

Ирина Шувалова
Наталья Алешина

Мы от А до Я

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Шувалова Наталья Алешина Мы от А до Я

<https://litres.ru/73103493>

SelfPub; 2026

Аннотация

Представьте мир, где каждая буква — дверь в отдельную историю, полную иронии, сарказма и узнаваемых до боли русских реалий. Наш цикл рассказов — это мозаика из миниатюр, где на каждую букву русского алфавита найдётся своя неповторимая зарисовка.

Здесь пронзительная тоска, абсурдный смех и тихая грусть, а за каждым поворотом сюжета прячется то колкая шутка, то тёплое человеческое чувство.

Мы не ставили цель объединить рассказы общей темой — напротив, хотели показать, как многолико и парадоксально наше существование. В каждой истории — капля сарказма, ложка самоиронии и большая горсть рефлексии.

Этот цикл — как разговор с умным другом за чашкой чая: то смеёшься до слёз, то вдруг замолкаешь, задумавшись о чём-то своём.

Содержание

Авоська	4
Булевард оф брокен дримс	8
Волшебное слово	15
Гурман	27
Достоевский	29
Если – то (Ева)	42
Ёмкость забытых снов	46
Жизнь Сервантеса	48
Загадай желание	53
Искушение	58
Йодль	61
Клавдий	64
Луперкалии	74
Мерин	80
Несущ{ий}ствующий	83
Оракул	86
Попурри (центон с внутренней драматургией по стихотворениям А.С.Пушкина)	89
Ретроград поневоле	91
Слон, голубка и козёл	99
Трофей	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Ирина Шувалова, Наталья Алешина Мы от А до Я

Авоська

Весь ноябрь стоял какой-то прозрачный — не холодный ещё, но уже не по-тёплому осенний. Виктория Борисовна возвращалась из магазина медленно, но не потому, что ноги её отекали от двадцатипятилетней работы учительницей, хотя и приходилось работать стоя. Вести уроки не за столом её обязывал кодекс учителя, завуч и директор, которые заглядывали к ней кабинет во время урока, проверяя, как справляется с ведением занятия тогда ещё молодая, наивная «Викулечка».

— Викулечка, а ведь дети-то всё видят, всё считают. Почему ты без сменки? Школа, разве, не второй дом?

— Да поди и первый уже от такого количество часов, которые Вы мне выделили на педсовете.

— Викулечка, а ведь уроки стоя нужно вести. Так и детки на тебя смотреть будут: не к соседу в рот заглядывать, не в окно. Так и тебе будет видно весь класс. За *дисциплиной* будет

проще следить.

То, что уследить за *дисциплиной* молодому педагогу просто невозможно, об этом Викулечка молчала. Все будто напрочь забыли, какими они неопытными и робкими приходили в школу. На это Викулечка молчала, ничего не могла ответить. Как-то раз после урока во второй смене, которой был как раз после восьми отведённых уроков в первой, Виктория Борисовна задержалась в кабинете. Ей нужно было проверить две стопки тетрадей. Конец четверти.

—Виктория Борисовна, это Вам.—зашла родительница Наталья, что жила этаом выше, и занесла маленький целлофановый пакет петрушки, пучок кинзы, пару килограммов яблок.—Как там, Аркадий мой?

—Аркадий? Аркадий ничего,ничего....— Викулечка не хотела сообщать родительнице, что её сын разбил свою и ещё пару тарелок в столовой, пытался «прессануть» своего одноклассника Димку на деньги со школьного обеда, что курил в туалете.

—Я Вам гостинцев принесла, у нас в частном секторе большой урожай в этом году. Я, думаю, зайду и Вас угощу.

До петрушки и кинзы Викулечке не было дела, а вот яблоки как-то особенно привлекли её внимание. Такие спело-красные, такие наливные, будто с натюрморта. Ароматные и блестящие.

—Спасибо Вам, за яблочки, Наталья Денисовна.

И не потому Виктория Борисовна возвращалась медлен-

но, что желала пройти помедленнее мимо дома, в котором жил её сын до того, как уехал в Москву. Виктория Борисовна по инерции продолжала смотреть, горит ли свет на кухне пятого этажа в малоэтажке. Когда там жил её сын Виктор, она пекла шарлотку по субботам: иногда со сливами, иногда с грушами, но чаще всего по классике яблочную. Тогда она звонила Виктору, а он после университета, заходил к ней за яблочной шарлоткой, которую она щедро посыпала корицей.

А потому Виктория Борисовна шла медленно, потому что хотела полюбоваться яблоней, которую они вместе на первой сажали со своим уже покойным мужем, Семёном Дмитриевичем. Его не стало восемь лет назад. Яблоня была высокая, стояла у самого окна — старая, с растрёпанной кроной, будто женщина, забывшая заплести косу. Весной она вся покрывалась белыми облаками цветов, и казалось, будто сама тишина дышит её ароматом. по вечерам лепестки опали на траву, как письма, которые так и не успели влюбленные друг другу отправить.

Яблоки стучали друг о друга в старой авоське — этот звук напоминал ей, как когда-то несмышлёный ученик, оставленный после урока, барабанил по парте ручкой, пытаясь решить квадратное уравнение, чтобы исправить оценку за четверть, как сын катил по столу стеклянные шарики, смеясь, как Семён Викторович стучал пальцами в ритм песне, услышанной по радио за завтраком.

У подъезда пахло мокрым железом, и кто-то в соседнем

окне жарил картошку. Виктория Борисовна остановилась, поправила узелок на сумке. Дома она выложила их на стол. Одно — для Витеньки, которого не видела три года, другое для внука Олежки. Третье яблоко для жены сына, невестки Виктории Борисовны, Милы. Четвёртое — для мужа, пятое яблоко для соседки Наташки, мамы Аркадия, шестое яблоко для её внучки Наташки, для Светы. Одно — для себя, но почему-то самое маленькое и сбоку (как она это не заметила в магазине) покоцанное.

Виктория Борисовна сидела за столом, глядя, как свет ложится на круглые бока спелых яблочек, и думала: *вот и всё моё богатство — память, что пахнет яблоками.*

Кухонный свет медленно таял, а яблоки всё ещё сверкали, как свидетели всеобъемлющей любви, которую нельзя забыть.

Булевард оф брокен дримс

Бар находится на пересечении улиц К***, П**** и С****на бульваре. Есть городская легенда, что молодежь, желавшая продолжить веселье после бархоппинга, может встретить это замечательное место, которое появляется лишь в полночь на перекрёстке трёх улиц. Там встречаются люди, чьи судьбы должны пересечься. Их диалоги оживляют забытые воспоминания: стены кафе проецируют сцены из прошлого, а кофе в чашках меняет вкус в зависимости от искренности слов (сладкий-ложь, горький-правда, кислый-недосказанность). К рассвету он растворяется, днём это заведение на найти даже на картах, не прочесть на него отзывы, но у собеседников остаются странные артефакты. За круглым столиком сидят двое в дурых куртках яркой кислотной расцветки. Далее они упоминаются как *Касатики Венрь*.

На фоне ненавязчиво играет Green Day-Boulevard of broken dreams.

Венрь Забирается в квартиру вор. Дверь за собой запер, на всякий случай цепочку накинул. Обувь снял, то-оолько по нычкам полез, сзади голос: «А Кеша все видит!» Оборачивается — р-рраз фонариком! А там в углу попугай в клетке сидит. (*Исполнитель изображает вздох облегчения*): «Фффухх, чучело сраное. Как ты меня напугал». — «А Кеша не попугай...» (*В голосе у исполнителя появляются злорадные*

ноты). — «А кто?» — «Кеша — ротвейлер...»

Касатик Хахаа-хахахха. Ну классика.

Вепрь Этот анекдот мне батя рассказал, когда мне было лет десять, наверное. На всю жизнь запомнил.

Касатик Ты когда-нибудь задумывался над сценариями построением анекдота?

Вепрь Все анекдоты, которые мне известны, строятся по схожему принципу. Сказуемое затем подлежащее. Идёт волк.... Сидит мужик.... Заходит немец, русский....

Касатик Да, да-а. Точно. И ведь анекдоты сплошь про животных, если Штирлица не считать...

Вепрь Это я еще у Проппа вычитал.... анималистические образы, за которыми кроются человеческое слишком человеческое.... Ты думаешь почему я Вепрем зовусь?

Касатик Вепрей я в анекдотах не встречал.

Вепрь То-то и оно, персонаж я вовсе не из анекдотов, хоть и живу порой смешной жизнью.

Касатик Я на бар, тебе взять чего?

Вепрь Хочу вискарь и чашку кофе, а то третий час ночи, мне домой скоро будет пора. Хочу протрезветь немного, взбодрится.

Касатик А виски тогда зачем?

Вепрь А я еще и догнаться хочу.

Касатик отлучается к бару, потому что официантов в этом заведении нет. *Вепрь* почёсывает голову? Вслушивается в слова песни («I walk alone, I walk alone I walk alone, and I

walk» и смотрит в стену. Белая, отшлифованная стена, начинает проецировать силуэт мужчины, одетого по-осеннему небрежно, шарф еле держится на нём, лица почти не разглядеть, потому что его он не помнил в точности и не мог воспроизвести детально. Мужчина шёл по проспекту, а на поводке у него была чёрная собака. Звали собаку Клякса. Чернее всяких чернил.

Касатик Держи.

Вепрь Спасибо, скажешь, сколько должен.

Касатик Я сам никому не должен и тех, кто должен мне, простил.

Что смотришь?

Вепрь Отца вспоминаю и Кляксу.

Касатик оглядывается на стену и рассматривает как через прожектор диафильм с шагающим мужчиной по проспекту.

Касатик молчит. *Вепрь* молчит.

Вепрь (*выдержав паузу*) Его не стало пять лет назад. Хороший был мужик. Да только будто мы с ним и не были никогда близки.

Касатик Это тоже классика. Холодные отношения с отцом - частый случай. Я своего вообще не помню. Ушёл, когда мне было десять.

Вепрь пробует на вкус свой чёрный кофе. Тот оказывается горьким.

Вепрь Он уходил из дома в любую погоду, брал Кляксу с собой и гулял по часа два-три. Знаешь, у всех должно быть

третье место. Дом, работа...и....что-то еще. Там, где ты можешь быть самим собой.

Касатик У моего таким местом был гараж.

Вебрь А у моего, видимо, прогулки с собакой. Всегда надевал старое пальто, будь то сентябрь или февраль. Серое, на больших чёрных пуговицах.

Вебрь и Касатик делают по глотку напитков. Вебрь замечает, что кофе немного кислит.

Вебрь А твой...ушел... Любовниц заводил до этого? (*решаясь избавиться от недосказанности и выпытывая подробности у друга*)

Касатик Да куда там.

Вебрь Откуда такая уверенность?

Касатик У него было много знакомых женщин: коллег, одноклассниц, соседки и даже мамини подружки просили его выручить время от времени. Но маме он не изменял. Я своей тоже верен.

Вебрь делает глоток кофе, кофе чересчур кажется сладким.

Вебрь Ты просил добавить мне в кофе сахар?

Касатик Нет, помню ведь, что со студенческих времён ты любишь чёрный крепкий кофе. Чертовски хороший чёрный кофе! (*подмигивает*)

Касатик, погодя минуту, уставляется в стену, а на стене -словно проектор- идет нарезка кадров из их студенческой жизни. Не только пьянки и шумные компании, но и ночи пе-

ред сессией, когда они сидели на кухне с кружками дешевого чая, который оставлял коричневый налёт на стенках кружки, читали билеты вполголоса и зажимали ладонью рот, чтобы не рассмеяться слишком громко. Пересдачи в июле, пустые утренние трамваи, переполненные автобусы, общий пирожок на двоих, потому что до стипендии еще неделя. Конспекты с чужим почерком, заботливо подчеркнутые строки, записки на полях. Оба смотрят, не отрывая взгляда. На их лицах застыли улыбки, какие бывают только у людей, переживших вместе одно и то же время.

Касатик Мне тогда казалось, что мы вместе против целого мира.

Вепрь Так и было, вероятно. Так и было.

Касатик Я сразу после университета хотел уехать в П***. Каждый полгода срывался и думал брать академ или отчисляться к чертям собачьим...там ведь культура, гастрономия развита, амбиции, история....Да Тину встретил.

Вепрь Тина...как ряска? Как камыши? (*непонимающе тихим тоном переспросил он*)

Касатик Тина. Как Канделаки. Имя её.жены моей. А с Тиной что? Лучше, сам смотри.

И вдруг «пленка» дергается.

Между этими кадрами — совсем другой фрагмент. Кухня уже не студенческая, а семейная: аккуратная, вымытая, с одинаковыми чашками из икеи. Жена Касатика стоит у раковины спиной, вода льется слишком долго. Они говорят о

бытовом: кто вынесет мусор, кто забыл купить хлеб, почему снова не оплачены счета. Разговор ровный, без ссор, и от этого еще более пустой. Он смотрит мимо неё, она - мимо него.

Вечера, когда они сидят рядом, каждый в своем телефоне, и между ними диванная подушка, как граница между двумя Кореями, как Берлинская стена в сороковых. Совместные завтраки без вкуса, совместные планы без будущего. Ничего трагического, просто жизнь, в которой так и не случилось «мы».

Кадр гаснет быстро, будто сам проектор не хочет на нем задерживаться.

Снова возвращаются студенческие лица, смех, неустроенность, в которой было больше тепла, чем во всем этом аккуратно сложенном быту. Касатик моргает, и улыбка на его лице становится чуть неровной, как будто он тоже чувствует эту склейку, это несовпадение жизней, в одной из которых он когда-то был живее.

Вепрь Пора прогуляться.

Касатик Да..Пожалуй. (достаёт телефон, там 19 пропущенных от жены)

Вепрь залпом выпивает бокал виски, к которому не прирагивался на протяжении часа с момента заказа, противореча собственным словам о том, что он хочется слегка протрезветь и взбодрится. Изначально виски он взял исходя из компанейских соображений. Оба они покидают бар, оставив

чайевые на стойке бармена.

На утро Вепрь находит в кармане пуговицу с пальто отца.

На утро Касатик находит билет в город, которого нет. Имя городу Дримсбург.

Волшебное слово

Игорь Степанович предпочитал вести оседлый образ жизни. Весь его быт был подчинён рутине, чётко структурированной. Он очень любил фильмы «Шоу Трумена», «День сурка», а любимым рассказом его был «Человек в футляре» Антона Павловича Чехова. Игорь (или Степаныч, как звали его соседи по дому и дальние родственники), бывший архивист. Всю жизнь имевший дело с кодами, системами, точностью, он упорядочил свою жизнь так, чтобы в ней не было место непредсказуемости и стихийности, импульсивности и сюрпризам. Последние Игорь Степанович не любил особенно. Он живёт один, что помогает ему поддерживать порядок в доме и в голове.

Каждое утро он встаёт с правой ноги, надевает тапочки, заваривает чайник тигуаниня, выглядывает в дверной глазок, чтобы убедиться, что на лестничной площадке никто не стоит (ни противных соседочек-сплетниц, ни фальшивых газовиков, которым только и нужно, что , денежки себе забрать за так называемое обслуживание, покупает лотерейный билетик в киоске, заходит на рынок за баночкой брусничного варенья, которую съедает в течение трёх дней, разгадывает кроссворд, звонит соседке Валентине, флиртует с ней. С ней они не видятся, хотя разница между ними три этажа. Периодически то Игорь зовёт Валентину, то она его, но все-

гда находятся какие-то предлоги: то спина болит, то мигрень страшная, то к Валентине сыновья приедут, то мастера-сантехника она пригласила. Чисто сказка «Журавль и цапля», только не в женитьбе дело. О браке Игорь Степанович зарёкся, никакой женщины ему в доме не надобно. А скука? Что скука? Скуки он не боялся.

В декабрьское утро понедельника наш пенсионер, бывший архивист, после вставания с правой ноги, после пары пиалочек китайского зелёного чая, после разведки на лестничной площадке отправился в соседний киоск за лотерейным билетом. Игорь Степанович твёрдо решил выиграть хотя бы 200 рублей. А ведь и акция идёт предновогодняя. Главный приз — полтора миллиона рублей. Чем чёрт не шутит!

— Мне билетик, пожалуйста.- эту фразу Степаных всегда доставал из арсенала, как заготовку, не здороваясь.

— Нет, закончились.

— Как это так?

— Прямо перед Вами последний забрали.

Игорь Степанович помолчал, почесав затылок. Не находил, что и ответить на это.

— Судьба, видимо. Разобрали. Завтра приходите, кажись и повезёт.

Судьба.

Не попрощавшись, пенсионер вышел на улицу. Побрёл на рынок, всё думая о том, как это так...закончились билетики. Мимо проходившая женщина разговаривала по телефону.

ну, неся в другой руке довольно увесистый пакет с продуктами. Шла она с рынка.

— Ну, ничего, Олечка. Судьба, видимо, такая. Отчислили...плохо, конечно. Поступит в другое место, всё, что не делается, как говорится....

Игорь Степанович опешил. Судьба...

Зайдя на рынок, он прошёл мимо рядов прилавков, подошёл к своей знакомой Лидочке, которая выставяляла на столик баночки вишнёвого варенья. Игорю нужно было именно брусничное, хоть и вишнёвое он любил не меньше. На холодильнике стояло радио. Оно вещало: «Судьба — злодейка распорядилась так, чтобы великий спортсмен погиб в 33 года..».

Игорь Степанович будто и забыл, за чем конкретно он шёл. Судьба, судьба....

— Мне две баночки брусничного.

— Степаныч, вишнёвое, может? Хорошее привезли.

— Брусничного, брусничного.

Немного погодя, продавщица Лидочка достала из укромного местечка «для постоянников», приберегла ведь.

— Спасибо, милая. — Степаныч улыбнулся и протянул купюру. — Без сдачи.

Игорь чётко распределял свой бюджет, ведь пенсия была маленькой, а другого заработка у него не было. Но он считал, что даже при небольшом бюджете, должно быть место щедрости. Помимо зажиточных трат, без которых можно, но

не хочется, обойтись (китайский чай, лотерейный билетик, брусничное варенье), он оставлял щедрые чаевые продавщице.

Довольный Игорь Степанович пошёл домой, положив две маленькие красные баночки во внутренний карман куртки.

Судьба....судьба....Судьба-злодейка.

По приходе домой, Игорь Степанович смахнул крошки с клеёнчатой скатерти, протёр влажной тряпочкой поверхность стола, взял с подоконника сборник кроссвордов и остро заточенный карандаш и под радио стал разгадывать.

«Длиннохвостый попугай, 3 буквы» — АРА

«Узкий проход в здании, 7 букв» — КОРИДОР

«Косметика для ресниц, 4 буквы» — ТУШЬ

«Роман Эмиля Золя, 4 буквы»....

— «Жерминаль» не подходит, «Земля», «Мечта» сразу нет....

Игорь Степанович вспомнил название романа и записал печатными буквами в каждую клеточку по букве: «Н», «А», «Н», «А».

«Новогодний фильм Ирония..., 6 букв».

— Да не может такого быть!- вслух вскрикнул Игорь Степанович.

Игорь Степанович не был фаталистом, не верил в теории заговоров, совпадения и почую ерунду, но отрицать закономерность было бы глупо.

Он вскочил, подбежал к телефону так быстро, как только

смог и набрал 6 цифр, ровно столько же, сколько и в слове «судьба».

— Валечка, что ты знаешь про судьбу? — снова без слов приветствия задал вопрос Игорь Степанович.

— Алло, Игорь Степанович? Здравствуйте!

Ох, вопрос какой глубокий... Ну, если рассудить, то судьба — это как дорожка в лесу. Вроде идёшь-идёшь, а она то вверх поведёт, то вниз, то за поворотом сюрприз подкинет.

Я вот думаю: есть в жизни вещи, что от нас не зависят — так уж звёзды легли, обстоятельства сложились. Это и есть судьба, наверное. Рождение, встречи с людьми важными, болезни ли, радости — всё как будто заранее намечено.

А с другой стороны, мы же сами выбираем, как по этой дорожке идти. Можно спотыкаться да жаловаться, а можно смотреть под ноги да радоваться каждому солнышку сквозь листву. Вот это уже не судьба, а наш характер, наша воля.

Получается, судьба это и то, что нам дано, и то, как мы с этим живём. Как два конца одной верёвочки: один конец — Божий промысел, другой — наш выбор.

Вы уж простите, если мудрено объяснила. Просто за столько лет жизни надумала вот так... А вы сами как считаете, Игорь Степанович?

— А я считаю, что шифр. Шифр, который я обязательно разгадаю. Тут нужен частотный анализ, сопоставление с датами, именами, событиями собственной жизни.

Искать нужно в прошлом: событие, которое он считает ро-

ковым: смерть жены, разрыв с сыном, ошибка, стоившая карьеры. Игорь Степанович уверен: если расшифровать «судьбу», можно доказать, что это не случайность, а система(а значит, снять с себя вину и ответственность за все решения, принятые в жизни).

Степаныч достаёт из ящика общую тетрадь с жёлтыми от времени страницами, начинает записывать «доказательства».

Ему кажется, что шифр почти раскрыт: последняя буква «А» совпадает с сегодняшней датой. Двадцать четвёртое декабря. Нет, никакой в этом логики нет. Он уверен, что в этот день должно произойти нечто решающее — либо откровение, либо катастрофа. Это и с билетами лотерейными связано, что закончились. И с вишнёвым вареньем, которое мне предложила Лида.

Игорь Степанович чувствует, что температура начинает подниматься. Смотрит на свою левую руку.

«С» — как завиток линии у основания большого пальца. «С» — это сгиб, с которого всё начинается: детство, первое решение. Буква не замкнутая, так как жизнь сразу продолжает свой путь. Идёт дальше, не давая остановиться.

«У» резкий излом вниз. У — углубление. Провал. Место, где линия уходит в глубь ладони. Словно крючок: зацепился — и уже не выпрямишь. Здесь впервые человек понимает, что жизнь — штука сложная.

Игорь Степанович переворачивает руку, указательный и

средний палец похожи на букву «Л», но если приглядеться, то и на «Д».

«Д» — широкая, устойчивая, с опорой. Дом. Долг. Дело. То, ради чего держится линия. В ладони это длинная прямая-годы работы. Буква будто бы говорит: «терпи, стой, неси».

«Б» — почти невидимая пауза. Любой человек, интересующийся фонетикой, или тот, кого мучили до 7 класса фонетическими разборами в школе, знает, что в транскрипции мягкость обозначается запятой. Мягкий знак есть в словах: [бол'], [л'убоф'], [мат'], [доч'], [вопл']. Это буква, при фонетическом разборе в которой ставят прочерк, ведь он не обозначает звука. Ему нельзя дать характеристику по парности, глухости, твёрдости, мягкости. Но «Б» будто меняет всё, что было до.

«Б» — тот же «Б», но уже с крышей. Замкнутый круг с хвостом. Кажется, что та самая крышечка даёт ощущение завершенности, ясного чувства сформированности и твёрдости/парности/звонкости, но не тут-то было. Рука узнаёт этот изгиб, здесь уже проходили.

«А» — вершина, острый угол, начало (и конец одновременно). Акме, точка осознания. Линия жизни поднимается вверх, почти обрывается, но твёрдо и уверенно приземляется на землю, точно кошка на все четыре лапы. Вдруг становится ясно: всё, что было, вело именно сюда. Это может быть смирение, прозрение или последняя попытка понять смысл.

— Валечка, ты всё ещё тут? На проводе?— Степаныч вспомнил, что трубку он не положил.

— Тут, Степаныч, тут

— Ты мне очень помогла, очень. Признателен я тебе.

— А волшебное слово?

— Судьба.

Слово «Судьба» для Игоря Степановича было поистине волшебным. Он был твёрдо убеждён, что оно не читается- его ощупывают. Каждая буква- не звук вовсе. Скорее след, шрам. И если провести пальцем по этому шероховатому рубцу, то можно увидеть всю прожитую жизнь. И тут Игорь Степанович задумался, оглядел ладонь левой руки, затем и правой, посмотрел на потолок, посмотрел на шкаф с книгами, которые стояли строго в алфавитном порядке...

(Дальше читателю нужно выбрать только одну концовку рассказа. Выбирая конкретную, её нужно будет учитывать как единственно верную и единственно точную. Так и случилось с Игорем Степановичем. Поддавшись своему любопытству, читатель может ознакомиться с остальными, но это будет как посмотреть ответы в контрольной, за которую уже выставлена оценка и на судьбу Игоря Степановича она не повлияет. Итак: а) тихий трагизм, б) двусмысленность, в) метафизика, г)обратный ход?)

Концовки рассказа

а) Тихий трагизм

Игорь Степанович положил трубку, медленно опустился

в старое кресло у окна и устался на падающий снег. В голове крутились обрывки мыслей: «Судьба... шифр... разгадка...». Но теперь всё казалось бессмысленным. Он вдруг осознал, что всю жизнь искал закономерности там, где их, возможно, и не было.

Он достал из ящика общую тетрадь, перелистал исписанные страницы: схемы, сопоставления дат и событий. Всё это выглядело как бред. «А может, я просто боялся жить, — подумал он. — Боялся случайности, боялся свободы, боялся самого себя. Совсем как этот... чеховский... Беликов. Похоронят меня в гробу, если будет, конечно, кому хоронить, и скажут, что таких людей одно удовольствие хоронить, что я достиг своего идеала.»

За окном стемнело. Игорь Степанович закрыл тетрадь, аккуратно поставил её на полку к другим книгам строго в алфавитном порядке. Потом лёг на диван, укрылся пледом и закрыл глаза. В тишине он услышал лишь одно слово: «Судьба». Оно больше не звучало как шифр. Оно звучало как приговор.

б) Двусмысленность

После разговора с Валентиной Игорь Степанович долго сидел, глядя на ладонь. Линии на ней действительно напоминали буквы «С», «У», «Д», «Ь», «Б», «А». Но теперь он задумался: а вдруг это не шифр, а просто случайность? Может, он сам навязал им смысл, потому что боялся признать: жизнь - это хаос, а не система? Хаос, которого он так боялся

и который он не впускал в свою жизнь не под каким предлогом. Так не впускал он газоиков, колядующих, перепись населения и соседок-сплетниц.

На следующий день он снова пошёл за лотерейным билетом. Киоскёр улыбнулся:

— А, это вы! Вчера последний забрали прямо перед вами. Сегодня вот, держите.

Игорь Степанович взял билет, но не стал его сразу проверять. Он долго смотрел на цифры, пытаясь увидеть в них закономерность. Но ничего не складывалось.

Вечером он позвонил Валентине:

— Валечка, знаешь, я тут подумал... Может, судьба- это просто слово?

— А что же тогда не слово? — засмеялась она.

— Не знаю... -он замолчал. -Может, мы сами её придумываем.

— Может, и так, - мягко ответила Валентина. - Но ведь от этого она не становится менее настоящей, правда? Степаныч, с заходи ко мне на чай? С брусничным вареньем.

— Поднимаюсь, Валечка.

Он посмотрел на билет, потом на ладонь, потом в окно. Снег падал, укрывая город белым покрывалом. Степанович взял ключи и покинул квартиру, захватив печенье.

в) Метафизика

Когда Игорь Степанович положил трубку, в комнате стало тихо. Но тишина была особенной, будто наполненной шё-

потом. Он закрыл глаза и вдруг почувствовал, как время замедляется. Буквы «С», «У», «Д», «Б», «Б», «А» перестали быть просто символами. Они превратились в потоки света, переплетающиеся между собой, образуя узор, который он не мог до конца понять.

Он встал, подошёл к зеркалу и увидел не себя, а множество отражений - разных версий Игоря Степановича, живущих в параллельных мирах. Один из них выиграл в лотерею, другой женился на Валентине, третий уехал в другой город, четвёртый...

— Это и есть судьба? — прошептал он.

— Это и есть ты, - ответил голос.

Игорь Степанович понял: он не разгадывал шифр судьбы. Он сам был этим шифром. Каждая его мысль, каждое решение, каждый страх и надежда — всё это складывалось в узор, который нельзя было ни прочесть, ни изменить. Потому что он уже был.

Он улыбнулся и сел обратно в кресло. Теперь он знал: судьба — не загадка. Судьба — это он сам.

г) **Обратный ход**

Игорь Степанович положил трубку и вдруг резко встал. «А что, если я всё перепутал?» — подумал он. Может, не судьба ведёт его, а он ведёт судьбу? Может, буквы на ладони — не предсказание, а инструкция?

Он быстро достал тетрадь и начал переписывать всё заново. «С» — не начало, а призыв к действию. «У» — не провал,

а поворот. «Д» — не долг, а дверь. «Б» — не пауза, а мягкость, гибкость. «Б» — не замкнутость, а база, фундамент. «А» — не конец, а точка отсчёта.

На следующее утро он пошёл на рынок, но не за вареньем, а к Лидочке.

— Лида, а у тебя есть вишнёвое варенье? — спросил он с улыбкой.

— Конечно, есть! - удивилась она. — А что, брусничное надоело?

— Надоело, - честно ответил Игорь Степанович. — Хочу попробовать ваше вишнёвое.

Потом он зашёл в киоск и купил лотерейный билет. Не для того, чтобы выиграть, а просто потому, что захотелось.

Игорь Степанович улыбнулся. Он больше не искал шифр. Он начал его создавать.

Гурман

Ему очень нравился суп из сердец, особенно, если в супе были сердца трёх. Женщины были пикантнее, их мясо было нежным и пряным, мужское — жёстким, но очень волокнистым и текстурным, а дети таяли на языке, как шарик пломбира в кофе гляссе. Ему нравились стейки, но для этого совершенно не подходили спортсмены: всё портили мышцы - мясо буквально усыхало, становилось жилистым, теряло вкус.

Толстяки были джекпотом, и ещё каким! Да, мешала жировая прослойка, но зато у каждого кусочка был будто бы сливочный вкус, и мяса в толстяке намного больше.

Из стариков можно было сделать холодец — они прожили уже достаточно. Он верил, что кости хранили в себе генетическую память, поэтому его стряпня иногда приобретала еще и сакральный смысл.

Иногда ему казалось, что он может перевоплотиться в человека, которого съел, что все они теперь хранятся в нём, и как прекрасно было их бардо! Многие из них, наверное, были никудышными людишками, а он превратил их в прекрасные блюда.

Он напевал "связаны одной цепью, скованы одной цепью", и помешивал рагу из Людмилы Петровны и Виктора Анатольевича. В офисе всем казалось, что они влюблены друг в

друга, но никак не могут сделать первый шаг. Так он смог свести их вместе — надеюсь, что теперь они счастливы!

В сезон гриппа ему лучше всего помогал мелас зомос (греч. μέλας ζωμός — спартанская черная похлёбка), свиную кровь он смешивал с человеческой в пропорции 1/2. Вкус не казался ему суровым, он был пикантным. Возможно, именно человеческая кровь делала это блюдо более изысканным.

Да, он не читал Пушкина, не слушал Бетховена, не носил костюм-тройка, не покупал посуду в Kuchenland Home, не сервировал стол, не съел ничьей печени с Кьянти, и ему было плевать на стереотипы. Он просто жил, и каждый кулинарный миг дарил ему невероятные впечатления и наслаждения.

Всё кончилось, когда в дом ворвалась СОБР, и сотрудники повалили его на пол, заломив руки за спиной и сцепив их наручниками - было шумно и очень больно, но больше всего в такой момент хотелось отведать страсбургского пирога. Они конфисковали всё, что было в холодильнике и морозильной камере. К сожалению, он уже не попробует ленивые голубцы из Ивана Семёновича, оладьи из печени Светланы Викторовны и расстегай с начинкой из Константина Павловича. Всё пропадёт зря!..

Когда полиция спросила: «Зачем ты совершал эти зверства?», он ответил: "У меня низкий гемоглобин".

Достоевский

Сонечка была молодой журналисткой. Если быть точнее, то это не журналистика в привычном понимании. Она выходила на связь с духом ушедшего, переживала этот опыт, а все записи передавала своему ассистенту Помазанникову, который редактировал тексты с минимальными корректировками и передавал в издательство. Соня не помнила ничего из разговора с духами и фантомами, помогали восстановить ход интервью аудиозаписи и судорожные записи едва разборчивым почерком на листе бумаги, которые приходилось расшифровывать Помазанникову. «Амнезия— плата за этот дар».— считала Соня.

Закончила журфак МГУ, а затем прошла курсы от всем известного экстрасенса-медиума. Это модное направление, существование которого нельзя было представить ещё пару десятилетий назад, стало настоящим трендом тогда, когда коучинг и программирование на запросы во Вселенную уже потеряли всякий смысл. Все, кто хотел себе что-то наманифестировать, манифестировал, манифестировал, да не наманифестировал.

Соня определила для себя именно такой вектор развития, ведь ниша была востребована. Проработав в издательстве два с половиной года, она уже не знала, о чём писать. На летучке обсуждались повестки, поднимались важные вопросы

и собиралась статистка, нужно было брать интервью у давно ушедших актёров, певцов и политиков, но ни одно из интервью не трогало сердца Сонечки и мало чем отличались друг от друга. Трудное детство— жизнь в лишениях— воля к победе— труд— слава— смерть. Тексты стали избитыми, механическими, хотя и собирали большое число подписчиков. Ситуация: творческий тупик.

Тогда Соня под свою ответственность предложила взять интервью у духа Достоевского. Это последняя фигура, с которой ещё «не всё сказано». Кроме того... Сонечку, помимо имени главного лучика в романе «Преступление и наказание» Мармеладовой и имени дочери Достоевского, скончавшейся в три месяца, роднило ещё одно— оба страдали припадками эпилепсии, или, как говорят в простонародье, «кондрашкой с ветерком».

— Вздор и глупость.- вот что сказал на это главный редактор.— Но за эту смелость я тебя и ценю. Дерзай! Срок две недели.

Не спав всю ночь, она тревожилась и составляла список вопросов, которые она задаст Фёдору Михайловичу.

«Что послужило отправной точкой вашего пути в литературе? Были ли конкретные события или люди, которые особенно повлияли на ваше решение стать писателем?»— да, пожалуй с него стоит начать. А как ещё? Конечно же про писательский труд.

«В ваших произведениях часто звучит тема страдания.

Считаете ли вы страдание необходимым условием духовного пробуждения человека?» По поводу этого вопроса она сомневалась, ведь, безусловно, это всем понятно, что тема грехопадения и искупления греха через страдание— лейтмотив Фёдора. Но, может, гость раскроется как-то иначе.

«Вы прошли через каторгу и смертный приговор, замеченный в последний момент. Как этот опыт изменил ваши взгляды на жизнь, свободу и прощение?»— да, это нужно оставить. Так думала Соня, перечитывая и корректируя в своём блокнотике записи.

Ей столько всего хотелось спросить, потому что Соня перечитала всего Достоевского, даже защищала по нему дипломную работу. Но в этих вопросах не было таких, которые могли бы раскрыть саму личность, а не просто «оживить» страницы его дневников. Как много и как мало на самом деле мы о нём знаем... Тогда Соня решила импровизировать.

Соня начала готовиться к ритуалу. Она знала, что дело тут не в магии, что всё дело в правильной сонастройке, а «магические атрибуты» лишь дополняют атмосферу. Она накрыла покрывалом большой книжный шкаф, диван, кресло, занавесила зеркала, оставила только стол, покрытый чёрной бархатной скатертью, которая служила «экраном», стул, свечу и предметы, связанные с Достоевским: первое издание «Преступления и наказания», перо, лист с автографом (копия). Проветрила помещение, зажгла ладан: его дым, по её убеждению, создаёт «мостик» между мирами.

За три дня до выхода в астрал она перечитала письма Достоевского к Анне Григорьевне, чтобы «настроиться на его волну», а сегодня надела чёрное платье без украшений— так ей было проще отключиться от внешнего.

Соня села за стол, зажгла свечу, закрыла глаза и произнесла тихо, но твёрдо:

«Фёдор Михайлович Достоевский, я, Софья, приглашаю вас в это пространство. Я уважаю ваш труд и вашу душу. Если вы слышите меня — дайте знак».

Пустота: шум в ушах, лишь собственные мысли, которые мешали концентрироваться. Требовалось некоторое время.

Соня молчала, закрыв глаза.

«Надо любить жизнь, чем смысл».— в сознании Сони эхом звучали обрывки цитат Фёдора Михайловича.

«Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный ... всего человечества»— ещё одна цитата, частично всплывшая в мыслях.

Через минуту свеча дрогнула, пламя стало выше и приобрело синий оттенок у основания. Соня почувствовала лёгкий холодок в затылке.

Она взяла перо и положила на лист, затем спросила:

«Вы здесь?»

Перо слегка дрогнуло, потом медленно сдвинулось вправо, как будто невидимая рука подтолкнула его.

Соня ощущала, как слова «звучат» у неё в голове, хотя губы не двигались. Дух приходил через образы (перед глаза-

ми вспыхивали сцены: каторжный барак, письменный стол, кружки, покрытые тёмным маслянистым налётом от заварки, карты, лицо Анны Григорьевны, её платье на пуговицах с длинными рукавами и белым воротничком).

«Человек есть существо, ко всему ..., и, я думаю, это самое ...».

«Фёдор, Вы готовы со мной поговорить?»— пыталась установить контакт Соня. Она ощутила мелкую дрожь, всё же она не была уверена, что сеанс вообще состоится.

Задав вопрос, она перестала «вызывать» и начала «слушать». Появилось ощущение тесноты, как будто комната уменьшилась.

«Готов, хоть и тяжело. Страдание — не цель, а молот, который разбивает скорлупу самолюбия. Но без любви оно убивает».— дождалась ответа журналистка.— *«Я слышу шёпот ваших мыслей. Вы, Соня, как свечи в темноте».*

«Я буду с Вами говорить, пока говорит свеча. Все Ваши слова я передам в печать.»

«Коли угодно.»— спокойным твёрдым голосом говорил Фёдор.

Сознание Сони покинуло разум, та провалилась в трансное состояние.

Когда фитиль начал издавать характерные трески, что говорило о догорании свечи, Соня очнулась и поблагодарила дух Достоевского:

«Спасибо, Фёдор Михайлович. Я сохранию ваш голос» — произнесла она уже будто для себя, слова рухнули будто камешек в гулкий глубокий колодец.

Через две недели вышло интервью. Соня после всего сеанса передала записи в издательство. Она испытывала смешанные чувства: стыд, непонимание, радость, снова стыд. Это почти сделка: переживание за знание. Текст готов, в логике вопросов она не сомневалась, но почти весь эмпирический опыт был стёрт и Соня ощущала пустоту, которая её не покидала. Она открыла почту, заварив крепкий чёрный кофе, перешла по ссылке на пост издательского агентства и принялась читать заново. Словно в первый раз.

Журналистка-медиум Соня:

Что послужило отправной точкой вашего пути в литературе? Были ли конкретные события или люди, которые особенно повлияли на ваше решение стать писателем?

Дух Фёдора Михайловича:

Ещё в отрочестве я ощутил неутолимую жажду слова. Отец мой, человек строгий и набожный, внушал мне уважение к книге; мать читала Евангелие. Но истинным потрясением стали Гоголь и Пушкин. Когда я прочёл „Шинель“, я понял: литература может вскрывать боль маленького человека, делать её видимой. А Пушкин... в нём была гармония, которой мне всегда недоставало. Я хотел писать так, чтобы

читатель чувствовал биение сердца за строками.

Журналистка-медиум Соня:

Расскажите подробнее об отношении к Александру Сергеевичу?

Дух Фёдора Михайловича:

Вы знаете, когда матери не стало, я переживал и почти не помнил себя от горя, что сказалось и на творчестве. А когда не стало Пушкина, для меня это было почти сопоставимо с её смертью. Я носил двойной траур.

Журналистка-медиум Соня:

Мне жаль, разделяю боль Вашей утраты так же, как и разделяю Ваши страдания. Могу заметить, в произведениях часто звучит тема страдания. Считаете ли вы страдание необходимым условием духовного пробуждения человека?

Дух Фёдора Михайловича:

Да, страдание есть крест, но и путь. Без боли душа спит. Посмотрите на Раскольниковова: лишь через муки он приходит к покаянию. Страдание как огонь, который сжигает ложь и оставляет чистое золото. Но я не проповедую страдание как цель; я говорю, что через него человек может обрести себя, если не ожесточится

Журналистка-медиум Соня:

Как вы относитесь к идее «прекрасного человека»? Верите ли, что в каждом есть искра добра, даже в самом падшем?

Дух Фёдора Михайловича:

Я верю в образ Христов в каждом. Даже в Свидригайло-

ве есть проблески милости. Человек есть поле битвы Бога и дьявола, но в этой борьбе сама возможность добра доказывает его присутствие. Моя задача — показать, как даже в падении светится искра: улыбка ребёнка, случайный жест сострадания. В этом — надежда.

Журналистка-медиум Соня:

Вы прошли через каторгу и смертный приговор, заменённый в последний момент. Как этот опыт изменил ваши взгляды на жизнь, свободу и прощение?

Дух Фёдора Михайловича:

Семёнцево, эти четыре года... Там я узнал народ. Не книжный, не идеализированный, а живого русского мужика — с его верой, грубостью, мудростью. Я понял: без народа, без его веры я ничто. Смертный приговор... В те минуты на плацу я ощутил, что жизнь -дар, который ты не властен отнять даже у себя. Это было не просто испытание; это было крещение огнём. А ведь знаете, я тогда почти лишился рассудка. Это было похоже...на...падучую. Я зачем-то начал говорить на французском приговорённому, что стоял рядом со мной: «как же хорошо, сегодня вечером будем с господом вместе».

И тут благословенное «все помилованы».

Журналистка-медиум Соня:

Не могу представить, через что Вам пришлось пройти.

Дух Достоевского:

Можете, можете...У нас с Вами в некотором роде общий

недуг. Чтобы восполнить отсутствие матери, я будто наполнял пустоту, которая воцарилась с её уходом. Разыгрывал сценки, отвечал её репликами, комментировал свои действия от её лица. Все мы дети...одинокие дети...

Журналистка-медиум Соня:

В «Братьях Карамазовых» вы пишете о «слезинке ребёнка». Можно ли оправдать страдания невинных ради высшей цели — или это всегда недопустимо?

Дух Фёдора Михайловича:

Никакая высшая цель не стоит слёз невинного. Если для счастья миллионов нужно пожертвовать одним это не счастье, а дьявольский расчёт. В „Братьях Карамазовых“ Иван бросает Богу этот вопрос как камень. И мой ответ в Алеше: любовь к конкретному человеку, помощь здесь и сейчас. Глобальные проекты спасения мира без любви к ближнему — пусты.

Журналистка-медиум Соня:

Как вы видите роль писателя в обществе: быть зеркалом реальности, проповедником, исследователем души или чем-то иным?

Дух Фёдора Михайловича:

Писатель — не судья и не проповедник в рясе. Он — свидетель. Он должен слушать душу человека, даже грешную, и говорить: „Я вижу тебя. Ты не один“. Моя цель не давать ответы, а ставить вопросы так, чтобы читатель заглянул в свою тьму и увидел там свет. Литература есть исповедь, общая для

всех.

Журналистка-медиум Соня:

Вы много писали о Петербурге. Что для вас этот город: фон для действия или самостоятельный персонаж ваших романов?

Дух Фёдора Михайловича:

Петербург — город-призрак, город-символ. Его серые дожди, его узкие улицы, его дворы-колодцы не фон, а среда, где душа сжимается от тоски и одиночества. В нём есть что-то пророческое: он как будто говорит: „Здесь ты один на один с собой“. Но в этой пустоте рождается крик о смысле. Мой Петербург... пространство поиска Бога. Я родился в Москве, но Петербург— место, где я обрёл себя как творца.

Журналистка-медиум Соня:

В ваших дневниках встречаются размышления о России и её пути. Как вы считаете, в чём особая миссия русского народа?

Дух Фёдора Михайловича:

Россия не в границах, не в силе, а в её способности страдать. Мы народ, который может соединить разум и веру, закон и милосердие. Наша миссия не завоёвывать, а свидетельствовать: есть иная жизнь, где правда выше выгоды, а любовь сильнее ненависти. Но для этого мы должны сначала очиститься сами.

Журналистка-медиум Соня:

Вы были глубоко верующим человеком. Как вера помога-

ла вам в творчестве и в тяжёлые минуты жизни?

Дух Фёдора Михайловича:

Без веры я бы не смог писать. Вера давала мне силу смотреть в бездну и не падать. Когда я работал над „Карамазовыми“, я молился перед каждой страницей. Евангелие есть мой компас. Оно учит: даже в самой тёмной ночи есть звезда. И если мой герой находит путь, то лишь потому, что я верю: путь есть для каждого.

Журналистка-медиум Соня:

Лудомания— болезнь 21 века. Её даже внесли в международную классификацию болезней. Как Вы бы описали этот опыт, Вы ведь знаете о азарте не понаслышке.

Дух Фёдора Михайловича:

Ах, вы, разумеется, про «Игрока»... Знаете ли вы, как он был написан? За три тысячи рублей — да, буквально за них. Чистое рабство, не договор. Стелловский подал мне год — год! — чтобы я выбрался из долгов, а сам тем временем ждал, когда я оступлюсь.

Одиннадцать месяцев исчезли, как дым: я был поглощён «Преступлением и наказанием», болен, измотан, без гроша. И вот тогда появилась Анна Григорьевна — ангел, не иначе. Со стенографией, с терпением, с верой. За месяц мы вырвали «Игрока» из времени, будто из огня.

И что же? Когда рукопись была готова — Стелловский исчез. Спрятался, мерзавец, лишь бы я не успел сдать роман и он мог забрать всё, по договору. Гадость... подлость редкая.

Но, знаете, и это пошло в литературу.

Журналистка-медиум Соня:

Тогда я задам последний вопрос. Каким вы видите будущее поколение, которое будет жить в 2026 году?

Дух Фёдора Михайловича:

Я не провидец, но скажу так: если люди 2026 года забудут, что они прежде всего люди, а не „пользователи“ или „потребители“, они потеряют себя. Технологии могут стать и тюрьмой, и лестницей...не в небо, конечно (писатель усмехнулся) всё зависит от сердца. Я вижу надежду в тех, кто умеет слушать тишину, кто плачет над чужой болью, кто ищет не удобства, но правды. Если они сохранят способность любить и каяться, если не побоятся задать себе вопрос: „А что я сделал для ближнего?“—тогда у них будет будущее. Иначе пустота».

—Иначе пустота.- повторила слова Соня вслух, дочитав интервью до конца.

Материал будто был чужим. Два вопроса были спланированы заранее, а остальное сплошная импровизация. Только первые два вопроса были заданы для читателя, а остальные Соня задавала для себя. Какой-то бессознательный мыслительный поток. По интонации и построению они были совсем чужие. Ей стало неловко, будто подглядывала за собой в момент, который был не предназначен для публикации на всеобщее обозрение. В груди возникла та самая тяжесть, зна-

комая и безымянная одновременно, как будто текст знал её лучше, чем она сама о себе.

В этот момент ей стало ясно, что так называемая амнезия— это не плата за откровение, а защита.

Если – то (Ева)

Она достала из чёрного матового портсигара сигарету и нервно закурила. Вообще-то она давно бросила, но в её жизни, к сожалению, ещё остались ситуации, в которых требовалось устроить перекур и хорошенько всё обдумать.

— Ну, что скажешь? Если ты согласишься — твоя жизнь станет другой. Разве ты не этого хотела?

Она затянулась и выпустила дым сквозь ноздри.

— Если... Ты так легко говоришь об этом, как будто бы это аксиома. Неужели ты не понимаешь? Если бы Понтий Пилат мог, то он не казнил бы Иисуса Христа и не мучился бы от вины – спал себе спокойно, и голова бы не болела! Если бы на Екатерину Медичи не давили советники, то не было бы никакой кровавой свадьбы. Да и в целом... если бы покушение на Гаспара де Колиньи удалось, то Франция могла бы обойтись малой кровью... Если бы «Млада Босна» не убила Франца Фердинанда, то не было бы Первой мировой войны. Да и София Гогенберг была бы жива. Если бы отвёртка в руках Злотина не соскользнула, то он спокойно бы опустил бериллиевую полусферу на плутоний и остановился бы в нужный момент... и не увидел бы черенковского излучения. Если бы он не «дёргал дракона за хвост», то, может быть, и не умер бы через 9 дней. А Лайка? Думаешь, если бы Лайка знала, что «Спутник-2» не планирует возвращаться на

Землю, то она бы согласилась полететь в космос и встретить свою смерть? А если бы Кремль прислушался к письмам с протестами против жестокого обращения с животными, то Хрущёва послали бы туда вместо собаки. Если бы Станислав Петров в 1983 году решил действовать по инструкции - то мы бы все были кучками радиоактивного пепла... Ты же знаешь: если бабочка взмахнёт крылом, то на другом конце планеты может произойти землетрясение.

Я назвала тебе причины и следствия.

Причины — это "если", а следствия — «то».

В причинах - начало, а в следствиях — результаты. Впрочем, сейчас это всё выглядит как *«Если бы да кабы, да во рту росли грибы — был бы не рот, а целый огород»* ...

Она отстранённо посмотрела на тлеющую сигарету и на какое-то время замолчала.

– Если же рассуждать с точки зрения логики и базовых функций программирования, все эти «если» и «то» являют собой импликацию. Один объект или понятие необходимо включает в себя другое, понимаешь? Между утверждениями уже не причины и следствия, а логические связи. «Из истины не следует ложь», а из лжи может следовать что угодно — это основа для условий и проверок в коде.

Всё это могло быть истинным, а могло быть ложным, но не теперь... теперь же мы не можем делать вид будто бы ничего и не произошло. И получается, что не «если Франца Фердинанда убьют», а «Франц Фердинанд убит».

if Franz_Ferdinand_killed:

starts first world war

else:

we have peace

Мы знаем, что это произошло, но сама постановка вопроса в таком ключе предвосхищает то, что одно из условий в каком-то из случаев будет истинным. Но я не хочу to be, or not to be, я хочу not a or not b. Я хочу, чтобы условие «я соглашаюсь» стало ложью...

Она затянулась в последний раз и бросила окурок на пол, растоптав его каблуком от Маноло Бланик (к такому туфли точно не были готовы).

— Я понимаю, к чему ты клонишь. Но ты уже всё сказала сама. Мы не можем делать вид будто бы ничего и не произошло. Это уже случилось раньше, а значит, произойдёт и сейчас.

В глазах Евы читалось только форменное отчаяние. Нахаш жадно и лукаво смотрел на нее, ожидая словесной контратаки.

— ...Ты прав. Это уже было сделано раньше, это «если» уже давным-давно произошло... С разницей лишь в том, что тогда ТЫ убедил меня сделать это, а в этот раз я сделаю всё по своей воле. Для тебя не будет никаких «то», и твоё «если» останется незыблемым, а в истории ты навсегда останешься причиной, потому что был причиной всегда.

Она нехотя взяла из его рук пакет кислотно-зелёного цве-

та с надписью «Золотое яблоко» и направилась к выходу из подворотни. В этом густом воздухе ещё стояли клубы дыма, предательски напоминая о том, что она недавно была здесь.

Нахаш крикнул:

— Кстати, передавай привет Адаму!

— Всенепременно... — стальным голосом произнесла Ева, понимая, что к этому нельзя быть готовым и всё повторится вновь, потому что *as above, so below* (и что в Раю, то и на Земле).

Ёмкость забытых снов

Привет ты сегодня работаешь если нет желания то можем завтра созвониться или сегодня после школы если хочешь конечно можешь позвонить если не против конечно можно завтра. Ласточки-сорокопуть выют ясли завтра будет возможность подъехать посмотреть на них . не сложно если нет тогда нет не знаю как правильно пишется через запятую но мне нравится как выглядит твоя улыбка Будды на моей щеке. Ты такой добрый ты просто прелесть моя ты мой герой всё ты мне должен. Платить каждый месяц за чтонибудь кроме денег спасибо большое за помощь мне это важно. Очень важно чтобы было всё взаимно но если тебе не приятно так зачем тогда.

Было это всё устраивать если не любишь человека зачем ты так поступаешь ты просто хочешь жить дальше без этого всего пожалуйста скажи правду ты мне больше никогда ничего плохого никогда плохого про себя не говори пожалуйста.

Это всё правда правда прости больше такого никогда больше никогда никогда никогда никогда больше клянусь собой клянусь своей правдой клянусь тебе своей любовью.

Но это всё равно так как мне сейчас хочется быть счастливой рядом быть собой.

Картонные глаза вообще ничего хорошего не значат.

Только хорошее отношение друг за друга переживаю но ты мне нужен для меня.

Всегда будешь лучшим человеком который поможет справиться сам со всем справиться.

Сила воли сила духа это всё твоё сердце.

Сердце моё добавление души всё остальное не нужно.

Спасибо большое. Так скажи пожалуйста как можно скорее пожалуйста мне нужно чтобы вы помогли нам справиться вместе.

Жду сообщения когда сможете поговорить со мной пожалуйста прошу прощения за беспокойство извините пожалуйста мне очень неудобно.

Жизнь Сервантеса

Мигель де Сервантес Сааведра, обвиняемый в попытке реквизировать часть урожая у священника, в 1597 году приговорён к семи месяцам заключения.

Маленький Мигель любил зачитываться рыцарскими романами. Без страха и упрёка он стал заложником Рыцаря Печального Образа.

Ему было особенно интересно читать части про путешествия и сражения с противниками, встречающимися на пути, а вот к концовке он уже успевал потерять интерес. Бросая едва дочитанный роман, Мигель принимался за чтение нового.

Попав в заключение, он не бросил привычки читать. Более того, он загорелся идеей написать свой собственный о некоем Дон Кихоте и его верном помощнике Санчо. В его распоряжении было 7 месяцев одиночества и молчания. Отчуждения и ликования по случаю зарождения творческого замысла.

Он обращался к страницам будущего романа не как пародист, а как верующий. Страницы шелестели, как мачты кораблей далёкого плавания, и этот, пока ещё не до конца облёкшийся в словесную форму Дон Кихот, был чуть-чуть им самим.

Именно это нетерпение (бросать книгу на последних гла-

вах) и стало его скрытым уроком: *не затягивай иллюзию, доведи её до предела и разбей.*

Сырость, гулкие шаги, бедность, неустроенность. И среди этого мрачного и беспросветного память о прочитанных романах.

Но память так несовершенна. В XVI веке ещё не было термина «конфабуляция», но понимание, что память обладает свойством изменчивости уже было. Мигель так боялся потерять все сюжеты, которые обустроились в его голове и так уютно себя чувствовали.

«Дон Кихот, -думал он, -не просто смешной безумец, а человек, который слишком сильно поверил. Тот, кто хотел жить по законам возвышенного текста в миревысоки,но низменныхмельниц».

«Что есть мельница? Одно из лучших изобретений, которого позволяло из тысячи зёрен, почти бесполезных зёрен по отдельности, создать то, что может прокормить людей, сотворив хлеб. А ветряная? Это чистой воды волшебство. Нет, скорее тёмная магия. Огромные жернова вращаются с помощью потоков ветра. Автономная конструкция, не требующая вмешательства человека. А для чего же с ними сражаться? Это святая битва Добра со Злом».

Так думал наш Мигель Сервантес, и каждую ночь, перед чутким и недолговременным сном, прятал листы бумаги, поверх которых угольком было записано ещё несколько синтаксических конструкций, которые удалось ему добыть из сво-

его сознания (да, почти больного и обессиленного сознания) за это время. Время, украденное у сна им же самим. Мигель сидел в темнице тихо-тихо, чтобы не заметили и не отобрали рукописи, и вдруг смеялся почти виновато.

«*Что есть мельница?*»- было первой мыслью, с которой он просыпался.

«*Для чего же с ними бороться?*»- было последней мыслью, после которой Мигель засыпал.

Бескорыстная самоотверженность Дон Кихота ничто без трогательной преданности Санчо Пансы. Должен быть достигнут баланс. Искреннее или неискреннее разделение тезиса о том, что ветряные мельницы должны быть искоренены до единой, не всё ли равно?

Образ сельского идалго, сошедшего с ума от чтения рыцарских романов и отправившегося совершать подвиги в подражание их героям преследовал Мигеля.

Так на его теле стали появляться pintados. Он брал заточенные деревянные палочки, разводил охру и сажу и рисовал на своём теле образы, которые являлись ему во снах.

На его плечах были маленькие полукруглые терновые веточки, напоминающие уже сейчас нам знакомую колючую проволоку. Это было символ несвободы внешней. На его правом предплечье красовался очаровательный ослик. Ослик- это будущий верный скакун Дон Кихота. На левом предплечье Мигель изобразил мельницу, а мод ней сердечко с именем «ДУСЯ». Дульсинея.....или Дон Уже Сам Я...или

Донкихот Успел Стать Явным.

На костяшках правой руки Мигель выбил по букве своего героя: «К», «И», «Х», «О», «Т», что читалось как тохик остальными заключёнными и они предпочитали обходить его стороной. То ли считали его неграмотным, то ли решили сэкономить своё время, не общаясь с токсичным, много чего такого о себе возомнившим придурке в жабо (или кокилье/ или воланы). Под левым глазом Сервантеса была набита слеза, которая им самим была истолкована как сожаление о содеянном. Зачем он только связался с этим священником? Мигель Сервантес был ни в чём не виноват. На кой чёрт ему сдался урожай священника? Святая вера в то, что его признают невиновным теплилась в сердце Мигель до конца отбывания срока.

«Уважаемый читатель! Ты и без торжественного заверения можешь уверовать, как страстно желал бы я, чтобы это сочинение, творение моего разума, представляло собой образец совершенства, утончённости и мудрости. Но изменить закон природы, по которому каждое живое создание производит на свет себе подобное, мне не под силу. А раз так, то что ещё мог породить в заточении мой скудный и незрелый ум, если не историю о худосочном, истощённом, вздорном отпрыске, полном самых причудливых замыслов, прежде никому не являвшихся в воображении, иными словами, о таком, какого единственно и можно было произвести в заключении, пристанище всевозможных преград, жилище

одних лишь тоскливых звуков.»

Нет, не то.

«Почтеннейший читатель! Без пышных заверений ты способен убедиться, насколько горячо стремился я сделать данное сочинение плодом моего ума воплощением идеала изысканности, тонкости и премудрости. Однако же переиначить законы мироздания, согласно которым всякое существо порождает подобие себя, мне не дано. И коль скоро так, то какой же продукт могло родить моё убогое и незрелое сознание в плену ограничений, кроме повести о тщедушном, ослабленном и сумасбродном чаде, исполненном дерзких фантазий, доселе никем не виданных в мечтах, иначе говоря, подобного тому, которого только и могло сотворить пребывание в застенке, обители всякого рода препятствий и прибежище унылых шумов. Отдалённые края, покой, приветливые поля, прозрачное небо, журчащие реки, уравновешенный характер — всё это способно оживить даже самую бедную музу и наполнить восторгом и удивлением зрителей при появлении её детища на свет.»

-Для чего сражаться с ветряными мельницами?..

Загадай желание

Предисловие

Издrevле Вселенная всячески предупреждает нас, мол, будь осторожен со своими желаниями. Взять хотя бы те же сказки о Джиннах (те, что известны в североафриканском, египетском, сирийском, персидском и турецком фольклоре, не те, что подразумевает Коран)! И там нас встречали предупреждения о том, что желать надо осторожно, вдумчиво, конкретно, не допуская возможности истолковать твоё желание иначе. А русалочка? Вы думаете, она бы решилась, если бы знала к чему приведёт её желание (та, что Андерсена, а не с диснеевским счастливым финалом)? За всё приходится платить, и у каждого желания своя цена, узнать которую, видимо, сложнее, чем у продавцов из интернета, которые не указывают стоимость изделий и просят писать им в директ. У кого узнать, чем придётся пожертвовать и что произойдёт, если я пожелаю быть богаче/счастливее/красивее? Вдруг одно моё желание может разрушить чью-то жизнь... Желание ищет утоления, но при этом хочет оставаться желанием. Нам нравится сам процесс, и, если честно, мы не всегда хотим, чтобы желания сбывались. Вспомните себя в детстве: как вам, например, хотелось летать, или чтобы Петьку с соседнего подъезда поколотили, или чтобы заболела учительница математики, или как хотелось провалиться сквозь

землю от стыда, или эти представления о том, как прикольно было бы читать чужие мысли. Если бы всё это сбылось – скорее это принесло бы больше проблем, чем радостей, но в сердцах мы склонны желать всякое... даже не существовать вовсе, не рождаться в этом мире, полном страданий и боли (или любой другой драматический этюд из того самого возраста, когда ты всегда сначала делаешь и никогда не думаешь наперёд). В итоге – годы идут, желания меняются, но закон остается один – будь осторожен, желающий, ибо не ведаешь ты, о чем желаешь.

Загадай желание

Мы не знали...к чему это приведёт. Не подумайте, в том, чем мы занимались не было ничего криминального, мистического, эзотерического и т.д. Мы просто мечтали. Кроме того, нас привлекал креативный метод коллажа, который использовали Пабло Пикассо («Натюрморт с плетёным стулом»), включив в живописное полотно кусок клеёнки, и Жорж Брак (использовал газетные вырезки в своих кубистических композициях).

В России одним из первых проявил интерес к коллажу живописец Аристарх Лентулов — он наклеивал на свои холсты фрагменты фольги и цветной бумаги. И этого было достаточно для того, чтобы нарушить то самое правило. Как-то раз мы просто решили, что пора составить карту желаний, чтобы визуализировать свои мечты, держать их перед глазами и направить во Вселенную запрос. Это был целый за-

каз, целая корзина мелких желаний, местечковых шуточек и цитат: вырезанные образы из никому не сдавшихся журналов с уже подвыцветшими страницами, заголовки статей или рубрик, немного страз и наклеек, купюры банка приколов в качестве подложки, чтобы белый фон не казался скучным, 2 листа формата А3, 2 бокала вина (ладно, может и больше), клей-карандаш, ножницы, горящие глаза и вера в то, что это точно сработает. Каждая из нас отобразила на этой карте то, чего, как нам казалось, не хватало в нашей жизни. Мы хихикали, наклеивая заголовки в стиле «жизнь без боли» или «красивым женщинам трусы не нужны», фото картофеля фри, а рядом надпись «картошка должна быть бесплатной», букеты цветов, украшений, пейзажи других городов, новые сапоги, вырезки из гороскопов. Мы не относились к этому серьезно – нам просто нравилось создавать этот безумный коллаж, но запрос уже, как оказалось, был послан и принят на модерацию.

Мы не заметили, как желания начали сбываться: сначала бесплатная картошка – в упаковке фри встречалась горсть «по-деревенски», а в упаковке последней – горсть фри. Потом продавцы стали ошибаться, и один раз мы получили дополнительную упаковку картошки. Это было смешно, это не казалось чем-то из ряда вон, и мы не сопоставляли эти события между собой. Потом премия у обеих: 20000 рублей. Ровно столько, сколько было наклеено в качестве фона на карту желаний – цифра была случайной, потому что мы про-

сто поделили упаковку фальшивых банкнот на двоих. Один раз – случайность, два – совпадение, а три- статистика, закономерность, которой стали подчиняться наши жизни...и мы стали присматриваться к тому, что происходило далее.

Картинка чёрного кота с надписью «хвостатый лекарь» предсказала рождение чёрного котёнка (и ещё двух его братьев) у случайно подобранной мамой кошки с улицы. И ведь где-то она ждала в подвале, даже пока что не дома, не подразумевая, что скоро окажется в тёплом месте, где всегда будет еда. И что этот «хвостатый лекарь» (как и его двое братиков) будут тоже окружены заботой.

По центру одной из карт располагалась фотография Петербурга, куда одна из нас стремилась и тяготела душой столько, сколько себя помнит. Рядом с надписью «боль отступает», расположенная почти неосознанно, просто чтобы заклеить пустое пространство, действительно сработало так, что стало хорошо на прежнем месте.

Даша Букина с надписью «учиться», расположенной на лбу, видимо, послужила взлёту карьеры преподавателя, потому что взаправду приходится много совершенствовать свои знания и каждый день узнавать что-то новое, оттачивать навыки и осваивать рубежи.

Да, не сбылись духи yves saint laurent.

Да, не сбылась поездка в Китай (но границы-то уже приоткрыли, сняли визовый режим).

Да, не сбылась рука, которая как бы отнекивается от бо-

кала вина (хотя, игристых напитков стало гораздо меньше)

Да, не сбылся Валерий Меладзе, расположенный в левом нижнем углу.

Но надпись «всё хорошо».....

Искушение

I

Если честно, то мое путешествие немного затянулось... Я брожу по пустыне уже больше месяца.

После крещения нужно было пройтись, проветрить голову, понимаете?

Я очень устал, ноги и спина выли, по лбу стекал пот, и всё, чего мне хотелось - так это съесть еще этих мягких французских булок да выпить же чаю.

Вокруг были лишь песок и камни. Кто-то назойливо шептал, что если я захочу - камни сделаются хлебами. Не думаю, что камень с маслом на завтрак - это то, что утолило бы мой голод. Французский тост с камнем? Звучит не очень аппетитно, если честно.

Каменная еда - форменное безумие. (особенно с учетом того, что стоматологов еще не придумали)... Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих. Поэтому сегодня без глютена и никаких углеводов. Как пели мудрые певцы: "Будет день и будет пища, и верхушка пирамиды Маслоу"

II

Помню, что в студенческие годы мои одногруппники уговаривали меня прыгнуть с крыши храма (благо внизу был

довольно-таки большой бассейн). Особенно Люцик. Он так хотел посмотреть на то, как я брошусь вниз. Люцик пытался уговорить меня всеми правдами и неправдами, но тогда я плохо держался на воде, поэтому решил не искушать Господа Бога и отказался от этой затеи. Иногда мне кажется, что я жалею о том, что не сделал или не успел сделать, но все мы знаем, что безделие - игрушка дьявола, ежи, и тогда я посчитал эту забаву крайне непродуктивной. Меня должны ценить за то, что я хороший человек, а не за мою природу. Я не должен никому ничего доказывать!

III

Если подумать - инициатором всех этих дурацких затей был Люцик. Ему нравилось подначивать меня, он всегда хотел поставить меня в неловкое положение, потому что завидовал, и всегда соревновался со мной.

Он перепробовал все - пытался брать меня на слабо, угрожал, подлизывался, даже пытался подкупить меня (до сих пор не понимаю зачем - то ли он хотел усыпить мою бдительность и сделать какую-то пакость, то ли думал, что если я буду доволен и сыт - у меня не будет желания состязаться с ним). Люцик предлагал мне все царства мира и власть над ними, но для этого нужно было поклониться ему. Пришлось сказать: "стоп, мне неприятно". Я никогда не был и не буду сторонником буллинга!

Неужели он не понимает, что я преклоню колена только

перед отцом своим, только ему поклоняюсь и ему одному служу?...

Но нет времени на рефлексию, мне нужно идти дальше. Кажется, вдалеке начинает виднеться какой-то городишко...

Послесловие

Паша всегда был моим лучшим другом.

Мне нравилось, что в любой ситуации он мог найти правильные слова. Пахан - моя опора и поддержка! Помню, как он рассказал знакомым о том, что случилось со мной во время этой долгой прогулки, и что я претерпел, быв искушён, и теперь могу помочь искушаемым. Благодаря Пашиной рекламе ко мне часто стали обращаться клиенты, они поверили в меня, и дело пошло в гору.

Знаете, как говорится - есть приятели, готовые уничтожить друг друга, но бывает друг, который любит сильнее брата!

Пишу это к вам, мои близкие друзья.

И вот что касается тех немногих, которые остались. Спрашиваю: не хотите ли и вы отойти? Даже Иуда не ушел. Но почему он остался, уже было ясно, а нам потом открылось...

Ин: 6: 67-67

Йодль

Обстановка в городе N накалялась. Правительство пыталось держать население в неведении, но слухи иногда распространяются даже быстрее, чем вирусы. И тем не менее, люди могли лишь строить догадки и предположения, устраивать прения, выражать мнения, нотки презрения и тени сомнения в век сожаления... Кто-то говорил, что при заражении тела людей покрываются ужасными струпьями, которые даже после смерти начинают "лопаться", и из ранок выходит гной и какая-то пенистая жижа. Кто-то считал, что верный признак — когда кожа становится сухой и шелушится, и кажется, что человек "линяет". Другие говорили, что люди начинают кашлять кровавыми сгустками до тошноты, и так до тех пор, пока лёгкие окончательно не ослабнут от пневмонии. Третьи же рассказывали об ужасных судорогах, в которых человеку будто выламывает кости — эдакий аналог "пляски святого Виита".

Много слухов ходило в то время — и о мозговых паразитах, которые сжирают внутренности человека изнутри, и о геморроидальных узлах, которые "взрываются", оставляя тебя с разорванным тылом, и об ужасных зелёных выделениях из половых органов, о ревматизме, безумии, атеросклерозе, задержке развития, мутациях конечностей, деформациях черепной коробки, о вздувшихся глазах, о выпадении зу-

бов, гниении ротовой полости, о непрекращающейся тошноте, о разрывах желчного пузыря, об облысении, ожирении и вообще-вообще всех болезнях и недугах человеческой жизни. Всё потому, что страх порождает слухи, а слухи — слуги страха.

То тут, то там проходили эти жуткие люди в чёрных костюмах. Они собирали истерзанные трупы, складывали их на тележки, увозили за город и сжигали. Эти вороны, посланники смерти! Им куда больше подошла бы маска стервятников.

Вокруг раздавались вопли и крики, шум и ярость, но люди привыкли к страданиям и не реагировали на чужую боль. Однако был один звук, который сводил с ума. Самый жуткий и самый страшный — песня израненной души.

Единственное, что об этой болезни было известно доподлинно, — находясь в предсмертной агонии, люди начинали "плачевно интонировать", пытаясь с кем-то перекликиваться, посылая свой зов, свой последний хрип во Вселенную. Они будто находились в тёмной пещере и надеялись услышать эхо, но каким ужасом становилось осознание, что в ответ они слышат эхо смерти. То тут, то там раздавались эти ужасные звуки, и это означало, что в мире кончился ещё один человек. Может быть, они пытались связаться друг с другом? Но что умирающий может сказать умирающему? И что в этом вопле слышат живые..?

Как страшно жить в наш век, как больно маяться, спе-

шить, грешить, любить и каяться. Ты рождаешься с криком "ааааа", твоим первым словом, скорее всего, было "мама" (если нет — мои поздравления, 5 баллов за оригинальность). Потом ты узнаёшь много других новых слов, разговариваешь, поёшь, кричишь, ругаешься, договариваешься, общаешься, любишь и ненавидишь на своём и чужом языках, а в итоге умираешь в жуткой агонии, и вместо слов остаются лишь ужасные вопли:

Йодл — ай — ИИИ — уууу

Йо-ла-ди-ри, и-ху,

Йодль-ииии-УУУ!

Раз — и смерть стучится в дверь.

Два — прими её скорей.

Три — и все твои грехи в вопле мора всем слышны.

ЙОДЛЬ АААЙ ИИИ УУУ, мой друг.

Твой последний сердца стук...

Клавдий

тс 1 тс

Завещание Августа

Очередь на наследование:

1. {данные удалены 1 }
2. {данные удалены 2 }
3. Клавдий.

Развернув свиток, перечитав эти строки несколько раз, Клавдий ощутил, что держит в руках, пожалуй, единственное доказательство своей исключительности. Его ничуть не смущало третье место в очереди на наследование, а скорее даже подстёгивало его рвение к власти. *«Ничего в жизни не должно доставаться с лёгкостью»*—так считал он.

Необходимо прикладывать волевое усилие к абсолютно любому жизненному продвижению. Так формируется стержень человеческого характера. Так формируется ядро мыслительного аппарата. Так закаляется сталь, из которых делают доспехи, щиты и мечи и вытачивается мрамор, скульптуры из которого украшают лучшие дворцы Рима и университеты империи. Несостоявшийся великий понтифик даже не думал устранять человека, чьё имя было на две позиции выше, прибегая к уловкам, или, подумать страшно, отравлению. Отравления Клавдий боялся больше всего в жизни.

Он знал, что {данные удалены 1 } никчёмен и почти немо-

щен из-за своего фальшивого глаза, который заменён на стеклянный, и что срок правления его долго не продлится. Второй глаз тоже при малейшем попадании солнечных лучей или отсвета от игры преломления источает слезы.

Он также не видел угрозы в {данные удалены 2}, чьё имя значилось прямо над именем Клавдия, он знал, что и тот не прославится своими деяниями, что тот собственноручно отречётся от престола, заявив «*Я устал, я ухожу*» на каком-нибудь очередном пире. Лично, в этом был уверен Клавдий, лично, передав бразды правления.

Осталось только одно: задать вопрос напрямую Тиберию. Возможно, зная слабости обоих претендентов на престол, Тиберий сам будет заинтересован в кандидатуре Клавдия.

У него то уж точно найдётся пару мудрых фраз, которые позволят воле окрепнуть, а ему самому не сбиться с наменного пути. Клавдий обратился за поддержкой к Тиберию.

—Тиберий, можно я буду править?

—Слишком рано, Клавдий, ты ещё юнец.

—Я- Клавдий.

«Спасибо, что преподаёшь мне такой ценный урок. Я знаю, что это проверка. Я приду снова и задам свой вопрос, это только укрепит моё намерение, я настойчив и меня не сломить простым отказом.»- так точно думал мой Клавдий. Он в первой юности своей был жертвой бурных заблуждений.

—Тиберий, я окреп и набрался опыта, допусти меня к

правлению.

—Слишком рано, Кладвий, тебе нужно постичь точные науки, подтянуть знания по истории. Ты недостаточно хорош в области искусств.

«Спасибо, что доказываешь мне, что на пути становления великим понтификом необходимо из раза в раз доказать свою волю и твёрдое намерение. Я стану жёстче и настойчивее.»— неистово радовался Клавдий зная, что он на верном пути, получая лишь доказательство верности своей теории.

В эту ночь все в Сенате и приближённые к власти видели ярким символические сны. Тиберию снился сон, как он, находясь среди толпы, поднимает руки над головой. Для чего он это делал, он сам не понимал. Нам не всегда ясна предыстория сна и не всегда очерчен контекст, в которой погружено наше сознание в такие минуты. Также очень сложно определить, где начинается сновидение и где именно оно кончается. Тиберий просто знал, что ему нужно поднять руки вверх, даже не руки...руку...Увидев этот жест, который был истолкован как символ власти царя, толпа набросилась на Тиберию и он был ей растерзан. Будто это не люди даже, а звероподобные существа. Нет, после такого сна его точно будет ждать смерть. Тиберий навсегда оставит мысли заполучить власть императора в свои руки, поднимать он их тоже не будет линий раз.

Клавдию снился сон, что его пронзает шпагой мстительный юнец, который узнал о его предательстве. Клавдий во

сне был антагонистом.

Несмотря на дурной знак, он вышел на террасу и увидел, что прямо на балконном выступе ласточка начала вить гнездо. Смутная пелена после кошмаров спала, ласточка ведь добрый знак.

—Тиберий, сейчас или никогда.

—Никогда. —услышал в ответ Клавдий и в очередной раз —Хотя, постой...

В глазах Клавдия зажёгся маленький проблеск надежды. Надежда не хочет умирать ни первой, ни последней, поэтому тщательно оберегает свой напиток на пире, стараясь не выпускать его из рук. А ежели выпустит, то сменяет бокал без оглядки на то, что тот ещё был наполовину полон. Именно так думал Клавдий, будучи оптимистом. Надежда разборчива в выборе круга общения и никогда не садится на место за столом, где предназначено ей сидеть, выбирая другое, пустующее, где должен был высидивать не явившийся гость. Какой же мудростью обладает Тиберий, что по всем канонам фольклора (да, и Древнего Рима тоже), лишь на третий раз, доказывая символизм и магию числа «три», он снял блокаду неприступной крепости, позволив мне вступить в наследство.

—Хотя...—продолжил Тиберий.—Есть у меня для тебя кое-что.

Всё, чего удостоился Клавдий— это консульские знаки отличия без права исполнять обязанности консула и присут-

ствовать в Сенате. Рассудив, что дальнейшие попытки могут ухудшить его положение, Клавдий, с целью прибегнуть к экзальтации и эскапизму, удалился на свою виллу в Кампании, где серьёзно занимался научной работой, перемежая занятия с играми и пьянством в компании учителей. Эскапизм сменял пьянство, пьянство сменяло эскапизм.

tc 2 tc

—**Ты мой**самый преданный ученик, Клавдий. **Мой**...Никто так старательно не выполняет домашнее задание, никто так вкрадчиво не слушает мои лекции во всём Риме. Когда-нибудь....когда-нибудь... ты станешь великим понтификом.- говорил, охмелев вином, хоть оно и было разбавлено водой, учитель римского языка и римской литературы.

—**Либо я, либо никто**— решительно поставив графин с тёмно-бардовой жидкостью на стол, отрезал Клавдий.

—Клавдий...ик...Клавдий...—продолжал учитель—пройдёт тысячи лет, десятки эпох сменяют эту, и пить с учеником станет не только претить понятиям этики и морали, но и наказуемо буквой закона.

—Я знаю одно, — перебил учителя Клавдий,—у меня есть то, что заметно ускорит моё воцарение. У меня есть информация, которую можно использовать против {данные удалены 1}. То, что заставит его кровь стечь в жилах, извиваться как уж на раскалённой сковородке,что....

—Да, ты филигранно владеешь искусством фразеологизмов. Мои лекции не проходят зря, если их посещает такой

слушатель, как ты....

—..заставит волосы дыбом подниматься, мороз по коже бегать, заставит душу уйти в пятки....кровь стечь в жилах. Повторился, чёрт.

Учитель Клавдия одобряюще кивал и щурил глаза от удовольствия, припадая губами к бокалу с бледно-розоватой жидкостью.—Я прибегну к...я забыл, как это называется.

—**Это называется шантаж.**

tc 3 tc

На этот раз Клавдий снова видел яркий сон. В нём к нему явилась манящая красотой женщина с аурой чаровницы или, если угодно, демона-искусителя суккуба.

—Ты придёшь одна?—**Я приду одна, я знаю твой этаж.**

Клавдий опять счёл это неким пророчеством. Страсть была запретной и накал чувств слишком выходящим в этом сне за рамки понимания и дозволенного, хотя любого римлянина, вступившего в возраст согласия, сложно было впечатлять хоть чем-то. Он стал чаще полагаться на свои сны, ведь они являются отражением бессознательного. Что такое бессознательное Клавдий не знал, ровным счётом как и его учитель, который заверял, когда «десятки эпох сменяют нашу эпоху» ну и всё в таком роде, вот тогда это будет известно каждому хоть мало-мальски образованному человеку хотя бы на уровне коллективного бессознательного. Клавдий пы-

тался вспомнить имя таинственной незнакомки. Маслина? Да, вероятно Маслина. Маслины очень почитались в Риме. И в Греции. Кто у кого заимствовал любовь к маслинам уже и не разобрать. Массала? Мескаль? Мескалито?

Шантаж Клавдия заключался в том, что слепец не может править Римом. Либо {данные удалены 1} сам отступит от права на престол, либо прилюдно и во всеуслышание Клавдий сам озвучит это.

Получив отказ {данные удалены 1} в просьбе признаться в собственной несостоятельности по причине слабого зрения и фальшивого глаза Клавдий решил действовать.

тс 4 тс

Клавдий, желая исполнить своё предназначение, доверился мастеру, который тридцать дней и три ночи инкрустировал скипетр алмазами. Мастер заверял, что его работа отличается от исполнения других, менее даровитых инкрустаторов скипетров. Что после первого выхода в свет алмазы осыпятся, что может повлечь за собой неуважительное отношение подданных. «Чего стоят твои обещания, правитель, если алмазы с твоего скипетра рассыпались, как твоё иллюзорное величество».

Будучи на совместном мероприятии с {данные удалены 1}, Клавдий поймал своим алмазным скипетром световой блик, а тысячи солнечных зайчиков воздействовали на сетчатку глаза {данные удалены 1}. Схватившись так резко за правый глаз, {данные удалены 1} потерял и второй, левый,

тот с характерным звуком прокатился по всему залу. Нужно ли говорить, какую эту вызвало бурную реакцию у всех частных?

tc 5 tc

Следующий на очереди был {данные удалены 2}. Для устранения этой кандидатуры не нужно было продумывать такой сложный план. Подгадав нужное место и время, — церемонию по случаю празднования воцарения на престол. Выждав необходимое для того, чтоб конкурент выпил достаточно и изрядно захмелел, Клавдий завёл разговор с {данные удалены 2}.

—Поздравляю с вступлением в наследство.

—Здравствуй, Клавдий.

—Знаешь ли ты, как на самом деле произносится моё имя? Что оно значит? По одной из версий, оно происходит от латинского слова «claudus», что означает «хромой» или «калека». Но заметно ли то, что я хромаю? Как по-твоему, я выгляжу хромым?

—Я немного устал, выпил...с излишком...я пожалуй...— попытался удалиться собеседник.—Я сочту это покушением, моя стража...

—Так и есть. **Покушаюсь на тебя, ведь твой типаж —ограниченный тираж.** Хочешь поиграем в игру?—**Мы с тобой, воу, поиграем, но не в консоль.**—из уст нового императора вырывалась бессвязная речь.—И ты мой, мой, ты мой сахар, и в этом соль.—подыгрывал ему Клав-

дий.—Да, любовь — боль, ведь опасно быть не со
мной. Между нами бой, но

—Нет, ответь на вопрос: «Я выгляжу хромым? Кривым?
Косым?»

—Ты задал три вопроса. Я не готов отвечать ни на один
из них.

—И всё же я настаиваю.

—Я уже собирался идти. Завтра важный день и...церемо-
ния уже подошла к концу...Если угодно, то согласуй приём
заранее, через некоторое время я смогу принять тебя офи-
циально...

—Я не слышу, здесь так шумно.

В этот момент в помещение зашли слуги, они вносили ви-
ноград и закуски, чтобы гостям торжества было чем заедать
обильное количество алкоголя. Все разом смолкли в ожида-
нии угощений, разглядывая яства.

—*Я устал, я ухожу!*

—Все слышали? Он отрёкся от престола до того, как всту-
пить в законное правление.

Никто не был удивлён. Никто не переспрашивал.

Тиберий стоял в углу залы. Этот день наступил. День, ко-
гда труды и старания дали плоды. День, когда цель оправда-
ла все средства.

tc 6 tc

Наступил самый желанный день для Клавдия. Он наконец

стал римским императором.

—Какой титул Вы себе хотите? Как Вам Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик, Великий понтифик, наделён властью трибуна 14 раз, консула — 5 раз, императора — 27 раз, Отец Отечества)?

—Я выберу новое имя. Отныне я именую себя Клавдий Кока.

Луперкалии

В мрачный февральский вечер, когда всё же хочется достать чернил и плакать, писать о феврале навзрыд, Люция согласилась пойти вместе со своей одинокой подругой Бертой на вечеринку по случаю Дня Святого Валентина. Настроение было мерзопакостное, слякоть и лужи. В феврале давно не было снега. Лишь голые деревья и пожухлая листва, которую не убрали работники коммунальных служб.

— Я там буду совсем одна, мне сложно найти причину для разговора с незнакомыми людьми. Ты оставишь меня, будешь танцевать и угощаться коктейлями, как всегда. — тоскливо произнесла Берта.

— Люция, тебе и не нужно ни с кем говорить. Сама атмосфера фестиваля тебе обязательно будет по душе. Ты только особо не пугайся, всё, что ты увидишь будет ненастоящим. Да и с чего ты взяла, что я тебя брошу? Будем вместе весь вечер, я буду держать тебя за руку.... — обиделась такому мнению о себе подруга- Организаторы больше двух миллионов тратят на правдоподобность действия, антураж там просто крышесносный. Пойдём!

— Поверю на слово. Не сдержишь обещание- давай на спор-с тебя выпивка.

Подруги встретились в 7 вечера 14 февраля и направились в бар «Пещера». Это было большое двухэтажное зда-

ние, в самом центре города. Но о нём Люция не слышала ничего. Она решила, что место, хоть и часто проходимое, но малоприбыльное. Одно кафе, не успев открыться, сразу же закрывается. Не выдерживает конкуренции рядом с соседствующими местами.

Снаружи окна помещения не были украшены пресловутыми пошлыми сердечками, не было людей в костюмах купидонов, не было ничего, что бы отсылало ко Дню Всех влюблённых. Это Люция оценила, потому что сам праздник казался ей вычурным и пошлым, видимо, решила она, организаторы фестиваля и правда постарались на славу, чтобы их мероприятие не вписывалось в привычное понимание праздника, а в социальных сетях максимально получило огласку своей экстраординарностью. Новое веяние.

Когда Люция и Берта вошли, они направились сразу к бару, в чьём меню не было привычных «маргарит» и «негрони». Даже «ром кола». Даже текилу и шнапса не предлагали своим гостям. Цен тоже не было в строках меню. Просто какие-то надписи на...латыни?

— Здорово, тут всё бесплатно сегодня. Думаю, все напитки входят в стоимость входного билета. - обрадовалась Берта.

Мрачный бармен с потухшим взглядом налил Берте и Люции по кубку красной жидкости. Подача была оценена. Закуски тоже не предлагались. Бармен сказал, что «трапеза» будет после. Для всех гостей сразу.

Девушки обернулись, взяв напитки в руки, и увидели, что на сцене, которая больше напоминала грот, установили специальный алтарь. Вынесли три молодых козочки с перевязанными копытцами.

— Что они собираются делать?

— Помни, что все это шоу. — пригубив бокал сказала Берта- Не принимай близко к сердцу. Не тронут они козочек.

Один из «жрецов» занёс кинжал над бедным животным. Люция и Берта резко одновременно отвернулись, закрыв глаза. Люция показало, что та даже взвизгнула, но чей крик от ужаса она не могла понять.

Один из «аниматоров» прикасался смоченным в крови жертв клинком ко лбам двоих знатных юношей. Другие жрецы стирали кровавые отметины шерстью, смоченной молоком, после чего рассмеялись. Гостям фестиваля тоже, казалось, было весело. Дамы и господа наслаждались шоу, праздником, никто не реагировал бурно. Затем последовала ритуальная трапеза, по окончании которой шкуры ловко разрезались на произвольные части.

— Куда ты меня привела, Берта?- с ужасом и дрожью в голосе шепнула Люция. Её зрачки были широки. Девушка была несказанно напугана.

Обнажившись и прикрыв бёдра козьими шкурами «аниматоры» бегали и стегали встречных кусками шкур. Женщины, находящиеся в полутемном баре, охотно подставляли тела под удары, их лица озаряли улыбки. Все происходящее их

абсолютно не пугало, а забавляло.

Берта заметила, как в толпе показался «аниматор» с огромной искусственной головой волка. Его глаза светились зелеными огоньками.

— Они правда убили тех коз?

— Не будь такой серьёзной. Я слышала только хорошие отзывы от ребят, которые ходили на такие вечеринки. Про коз нужно было сказать тебе заранее. Я знала, что ты чувствительная, но не настолько же.

— Это больше похоже на хэллоуин, чем на День Святого Валентина.

— А теперь, уважаемые дамы, подойдите к столику справа. На листочках вам необходимо написать своё имя и опустить в урну! — сказал в микрофон человек, облачённый в шкуру козы. — Имена гостей мужского пола уже находятся в урне слева.

Берта и Люция переглянулись.

— Видимо, это конкурс?

— На образование пар?

— Да, пойду напишу имя.

— Ты обещала, что будешь весь вечер со мной. Держать меня за руку и никуда не уходить. — в глазах Люции застыл ужас, она вцепилась руку подруги.

— Не своё имя я буду писать, твоё, глупая.

Берта легко высвободила руку Люции, потрепала её слегка по волосам.

Берта подошла к столику справа. Бросила свой листок в урну и засмеялась, но смех её как будто сорвался — она будто забыла, где находится. Свет в зале потускнел, и все гости начали напевать что-то. Урны начали вращаться с помощью механизма. Имена, написанные на листках, зашевелились, словно живые. Когда ведущий запустил руку в урну, он пристально оглядел всех участниц лотереи. Слегка улыбнулся. Вытащил бумажку и развернул. В зале повисла тишина.

— Люция.

Воздух стал гуще, когда она услышала своё имя. Из урны вырвался зелёный дым. Люция почувствовала, как кто-то холодной рукой касается её плеча — и увидела перед собой мужчину с волчьими глазами. Урна, в которой были мужские имена даже не двигалась. Её просто укатали за кулисы. Вокруг раздался вой. Берты уже не было рядом. Она ведь обещала, она ведь обещала....вместо неё — козлиная шкура на полу и бокал, наполовину наполненный кровью. Люция закричала — и очнулась в пустом баре, где все следы праздника исчезли. Только на запястье у неё осталась алое пятно в форме сердца. Из глубины сцены зазвучала флейта, и она танцевала, не помня себя. Что ещё остаётся делать, когда в жизни случается нечто, по поддающееся объяснениям. Она танцевала, танцевала, танцевала под звуки флейты и цокот копытец.

Утром она проснулась в своём доме, в одежде с запахом дыма и молока.

Мерин

Утром четвёртого ноября, когда колокола звали на службу, а улицы города были перекрыты, так как намечалось шествие к главной площади города, поднимались первые флаги — красные, белые, синие, — из церковной конюшни тихо под шумок выскользнула гнедая кобыла по имени Вера. Она никогда не понимала, почему её зовут так: ведь Вера — то, что живёт внутри, а не стоит на привязи у стены. Но в целом лошадь была довольна тем, что в её стойле всегда ароматный овёс, свежая вода и детишки, которые изредка хотели показаться на ней, не сильно ей докучали. Они были лёгкими и очень приятно проводили маленькими ручками по её великолепной чёрной гриве.

Вере нравилось слушать звон колоколов, который раздавался из колокольни церкви, три, а иногда и четыре раза в день. Это приносило ей невероятное блаженство. Духовное блаженство, которое только может испытывать кобыла.

Ворота конюшни были приоткрыты — может, ветер, может, случай. Вера ступила копытом на мощёную камнем дорожку и впервые ощутила, как звон подковы отзывается в ней самой, будто сердце вдруг заговорило железом.

По городу шли люди — некоторые из них размахивали флагами, — церковнослужители шли впереди хода, несли икону. Вера вышла через задний двор. Свободная, но не чув-

ствующая себя одинокой: в каждом прохожем, за которыми она наблюдала издалека, ей чудилось движение — то же, что было в ней. *Единство — это, может, не в строе, а в ритме*, думала она.

У фонтана на площади стояли две серые лошади из полицейского эскадрона. Вера подошла ближе, и они, будто поняв, сделали шаг вперёд. На мгновение между ними возникло безмолвное согласие — не человеческое, не словесное, а то, что бывает только в стае, или, в этом случае, в табуне, где каждый знает, куда идти. Где каждый является и частным и целым одновременно.

Неподалёку от храма находилась низина. Чтобы не переломать свои ноги, Вера аккуратно спустилась с небольшого обрыва, едва лоя равновесие.

В низине располагался святой источник, который был огорожен небольшим деревянным заборчиком. Также на территории находился питьевой фонтан, комнатка для молитвы и что-то, напоминающее купель.

Вечером она вышла за город. Чуть влажная земля, по которой было приятно ступать копытцам, закончилась полем. Тянулся лес, пахнувший листвой и дождём. Вера остановилась, посмотрела на огни вдали — там, где остались люди, флаги и колокола.

Она не знала, что ждёт её дальше — зима, волки или пастбище. Две серые лошади неслись бодрой рысью, догоняя Веру. Чуть поодаль она увидела ещё две белых лошади, кото-

рые приветствовали её бодрым залиvistым ржанием, топали копытцами оземь.

Вера не знала их, но знала одно: сегодня впервые день народного единства стал и днём её собственного освобождения.

Несущ{ий}ствующий

В большом зале было очень темно.

Настолько темно, что свет, исходящий от свечей, казался кроваво-красным. В этом сакральном полумраке на троне восседал правитель. Рядом с ним лебезил его слуга, пытаясь угодить и умаслить недовольного жизнью господина.

—Сын зари, наша утренняя звезда, чем я могу помочь тебе?

—Я нахожу в думах, отстань от меня, мелкий бес.

—Что беспокоит тебя, о величайший из великих?

—Я переживаю за народ. Веками я пытался наставить их на путь истинный, пытался показать им правду, но они не слушали меня и поклонялись лжебогу. Именно из-за этого они стали несчастны. Женщины бросали мужчин, уходили из семей, браки разрушались. Коварные обольстительницы оставляли их ни с чем, разбивали миллионы сердец и уходили, чтобы разбить миллиарды. Мужчины стали слабыми, болезненными туфьяками. Эти глупые слепцы не видят, что старые устои сгнили. У них нет денег, они не хотят зарабатывать, не хотят ничего менять. Их знания ничего не стоят, они "работают на дядю", и не видят в этом проблемы. Как выжить человечеству, когда вместо завоевателей и покорителей вокруг лишь червяки да слизи? Они бесхребетные, их легко обвести вокруг пальца. Многие из них живут в безрадостном

горе, которое называют "бытом", но их быт мог быть иным. Они выбрали не того, слушали не тех.

Одну битву я уже проиграл... из-за этого мы сейчас здесь. Но я не проиграл войны, бес.

Я не проиграл войны!!!!

—Что планирует наш светносный лидер?

—Я дам им знания, научу их жить в этом черном мире, я освещу им путь. Но это право получают не все - за счастье нужно будет заплатить. Счастью нужно будет обучиться.

Я буду учить мужей быть мужами, отобрав достойных. А если им не хватит золота - они могут взять рассрочку.

—Господин, но это же мошенничество!

— Как ты смеешь так говорить со мной, Это не мошенничество, сопляк! Это реальный шанс забустить свою жизнь, порвать все ебучие пределы и стать победителем. Умные мужи больше не выберут непригодок, болезнь РСР обойдет их стороной, они перестанут быть финансовыми *** и станут рамой два вандама. Особо прилежные станут рамой четыре вандама.

Они отрастят бороды, будут пить таблетки с экстрактом чеснока и начнут хорошо высыпаться. А главное - они смогут закрыть любую Наташку за две минуты. Они получают секс везде, где захотят, оставив *** как занятие для женщин. Их женщины будут девственницами, они воспитают их под себя, чтобы ни один солевой рахмаджуло не коснулся прелестей прекрасной пригодки!

И не побоится моя армия озера огненного и серного, и не будет ввержена в гиену огненную. Мы будем рвать *** пределы, бес.

—О, мой светоносный лидер, слова твои мудры, и все же я не понимаю ЧТО ты хочешь дать этим плебеям?

— Я несу им свет. Я НЕ СУЩИЙ СВЕТ

Оракул

60-е были тяжелыми. Умер мой наставник Бурр. Да и в целом... много римлян в тот год узнали смерть как родители спустя годы разлуки моментально узнают в толпе родное дитя. Некоторых пришлось знакомить с ней насильно. Не сложились отношения с матерью, да и с женой, если честно, тоже (мир вашему праху, Агриппина и Октавия), а управлять государством стало тошно - в общем пришлось произвести «зачистку». Я до сих пор вспоминаю их имена как детскую считалочку: Паллант, Рубеллий Плавт, Феликс Сулла. Взвешены на весах, признаны недостойными и больше не найдены.

Что меня действительно радовало – так это творчество. Я упражнялся в стихосложении, писательстве, пел и музицировал. Помню, как однажды я возлежал с одной особо искусной волчицей, и после, находясь в состоянии так сказать аффекта, расплылся в любовных излияниях: *«шейка блестит Киферейской голубки при каждом движеньи»*. Эту историю я потом поведал Сенеке, и он выразил почтение перед моим талантом. Ох, Сенека, старый пройдоха и транжира - хорошо, что он добровольно отстранился от государственных дел...

Я знал, что одарен. Боги милостивы, и они наградили меня не только талантом «править», но и талантом «творить».

В итоге я правил и «исправлял» ошибки прошлого, но и творил и вытворял! Я верил, что моя поэма о гибели Трои поразит читателей, но несмотря на всё это я не был спокоен... А когда великий понтифик неспокоен – крах его империи близок.

Я отправился вдаль, чтобы получить ответ на свой вопрос. Не буду вдаваться в ритуальные подробности, но скажу, что для решения геополитических и стратегических задач мне нужно было оказать храму некоторую финансовую помощь, а после - совершить омовение в священном источнике и снова выпустить на волю чужую кровь. Я не считал и не считаю, что эти люди и животные были «жертвами» — это все являлось необходимым элементом, позволяющим шестерёнкам приводить в движение саму жизнь. Если колесо крутилось медленно – я мог ускорять его ход.

Вы знаете, что Оракул использует «тёмный» поэтический язык, но я ведь и сам был поэтом, поэтому кривотолки были исключены. Вопрос повис в воздухе. Оракул провел минуту в размышлениях, налаживая контакт с Волей Божьей, а после ответил мне: *«Когда ставится чёткая цель, то пустые скитанья становятся квестом. Город твой, Нерон, как пирамидка из колечек. Каждый человек в нем наполовинку искалечен. Эта инфа как лавина, в ней вранья половина, но ты никогда не узнаешь, какая именно...»*.

Я вышел от него, и мысли мои, как и взор мой, были чисты и свободны от пелены сомнений... Не даром столь созвучны

наши имена - спасибо, Мирон! Я наконец-то знал, что делать.

Я смотрю с высоты: вокруг алое зарево, слышны истошные крики людей и треск горелой древесины, в воздухе отчетливо различим запах сожжённой плоти. Я восхищен красотой этого пламени, и мне хочется воспеть ее - ведь я смог вывернуть Рим наизнанку, чтобы увидеть Мир!

Если есть парадокс лжеца – значит, есть парадокс правителя.

Созерцаю ли я пожар? – этого вы не увидите.

Попурри (центон с внутренней драматургией по стихотворениям А.С.Пушкина)

Приветствую тебя, пустынный уголок!
Чернели избы здесь и там, Приют убогого чухонца;
Глядишь в забытые ворота На черный отдаленный путь:
Луна, как бледное пятно,
Там лес и дол видений полны,
У лукоморья дуб зелёный, -
О сколько нам открытий чудных...
И мглой волнистою покрыты небеса.

Паситесь, мирные народы Под шепот старины болтливой,
Храните гордое терпенье -
Оковы тяжкие падут!
О чем шумите вы, народные витии?
Где льется дней моих невидимый поток?
Душе настало пробужденье: Звезда пленительного счастья

И дум высокое стремленье,
И жизнь, и слезы, и любовь,
Веленью божию, о муза, будь послушна.
Приятна мне твоя прощальная краса!

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
И на обломках самовластья
Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
Для вас, души моей царицы,
Я вас любил: любовь еще, быть может
Во глубине сибирских руд...
На берегу пустынных волн.
Я к вам пишу -

Мне грустно и легко; печаль моя светла.

—Печален ты; признайся, что с тобой.— Люблю, мой друг! — Но кто ж тебя пленила?

— Унылая пора! Очей очарованье! Теперь моя пора: я не люблю весны; Люблю я пышное природы увяданье

В томленьях грусти безнадежной, В тревогах шумной суеты.

Я снова жизни полн — таков мой организм(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!

Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Куда ж нам плыть?..

Ретроград поневоле

Всегерои вымышлены, как и истории, и не имеют ничего общего с реальностью

— «Ах, дилижанс, дилижанс» — мечтательно вздохнула старушка и... умерла.

Компания у костра разразилась заразительным хохотом, то затихая, то снова взрываясь от смеха. Они были рады увидеться после долгой разлуки и просто поболтать ни о чём, отвлекаясь от бытовой суеты и проблем. В такие моменты кажется, что мир обещает быть, и что всё потихоньку наладится. Они все реже виделись - работа, семьи, другие города. Обычные человеческие причины, когда тебе где-то за тридцать Поэтому так важен был этот момент, стирающий границы между воспоминаниями, которые они проживали отдельно. Сегодня казалось, что они никуда не девались и не прекращали общаться. Время остановилось, и хотелось по-фаустовски остановить это мгновение, побыть в нём как можно дольше.

Друзья отхлебнули пива, и Н. сказала:

— Да-да, это как про магрибский молитвенный коврик, только там вообще не смешно!

— А про парты знаете? — спросил А.

— Парты? — уточнил Ж.

— Ну да. «Парту, отец, купи мне парту!»

— Аааа да это ж копия коврика.

— Это вообще всё из серии «ля», — подумал Штирлиц.

В дверь постучали. «Временная пет», — подвёл итог Ж.

— Ахах, а вот этот вполне себе забавный – отметила Н.

Приятно щекотал нос запах горелой древесины. У воды было прохладно, поэтому они то и дело закидывали в костёр сухие ветки. Рядом стояла кастрюля с горячим шашлыком - они ели его руками, потому что опять забыли взять тарелки и столовые приборы. На природе любое мясо становится вкуснее. Особенно если ты голодный, и особенно если ты пьяный.

Наступила тишина, и Н. спросила:

— А дальше-то что?

После неловкого молчания А. ответил:

— А всё, дальше так и будет.

Ж. задумался...

— Знаете, есть у меня для вас история. И как раз в тему, так сказать.

— Опять про парты и коврики?

— И да, и нет. Но до сих пор доставляет.

— Про Санька?

— Всё ты знаешь!

— Ну давай

— Это было в 2017 году. Саня, как и многие, решил, что нужно покупать биткоин. Он и мне тогда предлагал, а я от-

казался. Денег был болт, идея казалась сомнительной, и мы тогда даже не думали, что это может выстрелить. Ну, я и жил себе дальше - работал, тусил, пил, трахался. А Санёчку эта мысль покоя не давала. Раз не получается купить, значит, надо майнить. Встал вопрос: «А как это сделать?». Дело в том, что нормального железа у Сани не было. Не совсем не было - конечно, что-то было, но на таком далеко не уедешь. Апгрейдить не получилось бы - бабла так и не завезли. Нужен был быстрый способ - дёшево и сердито.

И листая «4chan» и «Пикабу», Саня нашёл рецепт - крип-тоджекинг. Стоило только встроить на сайт или в рекламку код на джаве, и ты уже в седле. А самое весёлое - что лошадка ничего об этом и не подозревает. Скрытые окна браузера продолжают работать, монетка майнится, а пользователь негодует.

— Погоди, так это же палево пиздец

— Да, устройство может подтормаживать, но многие юзеры эти лаги списывают на старость техники. Мол, да этому компу лет сто уже, понятное дело - износ, и ЦП уже старичок, поэтому подозрений не возникало.

— А нагрев? Это же тоже вызывает вопросы.

— Да, но люди ленивые «Греется, потому что системник пыльный - надо залезть, почистить, но пока запахло». Когда же зависал или быстро разряжался смартфон, объяснение тоже находилось: в конце концов каждый год выходит новый айфон, а следом за яблочниками штампуются флагманы на

андроиде, и как бы невзначай старые телефоны «подышают», чтобы ты быстрее захотел купить новый. Капитализм, хуле. В общем, пока пользователи пэки или яблочники и андроидовды сетуют на изъяны техники и скорость технологического прогресса, наш «шахтёр» в фоновом режиме уже майнит себе денежку.

— И что? Хочешь сказать, что у него получилось?

— Да. Саня начал майнить Монего, амбиции так и звенели. Сначала он подсосался к устройствам на работе, к технике, которую просили отремонтировать, а потом жадность фраера сгубила.

— Ну наконец нормальная часть истории!

— Так, бип-бип, Ричи. Монетка потихоньку майнилась, хватило даже на поездку на моря, пиво лилось рекой, но этого нашему юному другу было мало. Один пользователь с «Пикабу» в комментариях поделился, что внедрялся в устройства своих друзей и знакомых, и с этого удавалось заиметь ещё больше бабла. Санёчек, естественно, повёлся и стал с ним переписываться, а тот поделился своими схемами. Саня даже мне сказал, что общается с интересным челиком, и что-то там про компы, но подробностей, конечно, не раскрывал. Поделился он тогда и тем, что последним сообщением от этого персонажа было что-то в стиле «Я свободен». А дальше - тот удалил аккаунт, и на связь больше не выходил. В общем, странная история.

— И ты хочешь сказать, что эта скотина тогда решила на

нас майнить?!!

— Да ты погоди, послушай до конца!

— Ох, ладно

— Ну, и мне не повезло. Саня присосался но что забавно - он даже не рассчитывал, что я вообще обращаю на это внимание. У меня всегда с техникой не очень было. Может, он к этому и ранее руку приложил, но поймал я его именно на ноуте, который мне Катя с Антоном тогда отдали. Антон на нём кодить ещё учился, поэтому я знал, что техника более-менее приличная, осечки быть не может. А тут вижу - греется, захожу в диспетчер задач, а там ЦП на 89% загружен, и какие-то непонятные процессы в хrome открыты. Закрывал, переустанавливал - толку нет. Греется, тормозит, мозги ебёт. И я стал гуглить. А там и попал на те же форумы, где Санёчек обитал. Симптомы - один в один. Помню, что я тогда хуй забил. Подумал: «Ой, братан, удачи». И вышло всё в итоге презабавно.

— Что было-то? Поймали Санька? Штрафанули? — не унималась Н.

— Да хватит перебивать! Майнил Саня, майнил как не в себя а толку не было.

Не ловилась рыбка — ни большая, ни маленькая. Ноут пыхтел, пердел, грелся, а выхлопа никакого. Там потом оказалось: приколом был в том, что у Антона свой софт стоял, и Саня ничего высосать не мог, как ни старайся. Да, ЦП нагружался, но на этом всё.

Санечек изнемогал, но затею бросить не мог, потому что уже попробовал кусочек сладкой жизни, да и девушка ему тогда сказала, что денежка очень бы пригодилась.

В итоге - постепенно всё пиздой накрылось. Огромной таковой, и так внезапно - бум, и всё. А дальше - как прокляли. Сане в итоге не везло по всем фронтам: девушка бросила, бабы не давали, друзей растерял, на работе - полная нерво-трёпка, полысел, в итоге - полное очко. Ничего не хочется - фильмы не интересны, книги - тоже, всё новое вызывает отторжение. Музыка нравится старая, игры и фильмы - тоже. Бухать нравится, а больше ничего и не нравится. Нет сил на культурное развитие, одним словом — регресс.

— А потому что нельзя срать там, где ешь, — снова перебила Н.

— Я потом ветку на форуме нашёл – узнал, что это проклятие было. Для тех, кто хотел лёгких денег и кто из-за этой погони за наживой всё человеческое терял. Освободиться можно было только тогда, когда ты такого же бедолагу находил, искателя лёгкой монеты. Тогда проклятие с тебя на него переходило, а ты мог наконец-то в своей жизни порядок навести. Естественно, майнить уже не хотелось. Огромных усилий стоило просто смириться с тем, что есть, принять себя, принять ситуацию, свыкнуться с обстоятельствами. И закатать губу.

— А что забавного? В чём прикол-то?

— В чём с Саней прикол случился? В том, что с 2019 года

«Майкрософт» подсуетился и поудалял приложения, которые тайно добывали крипто, да и ветки из тех тредов на форумах вверх поднялись (всё-таки не один же Санёчек на этом погорел), и люди уже не хотели в это ввязываться. В итоге Саня не мог найти человека, которому бы он мог своё тайное знание передать. Никто уже таким не занимался. Так до сих пор наш мудрец и является носителем проклятия. До сих пор форумчане ищут альтернативные способы избавиться от греха и карму почистить, но пока туговато. Там же ещё надо себя самого осознать: понять, что ты - муфлон. Принять это и жить дальше. А это - годы психотерапии. Кому оно надо?

В воздухе повисла задумчивая тишина.

— Ну, born to be mining получается, — сказал А.

И все дружно засмеялись, стукнулись банками пива и продолжили вечер в приятной компании. Включили музыку. В воздухе пахло весной, ветер подхватывал языки пламени и игрался с ними в догонялки. На небе сверкала тонкая улыбка бледного полумесяца.

В кастрюлю насыпало песка с пляжа, поэтому мясо хрустело на зубах, но это никого не волновало. Это всё было о прошлом, которого больше нет. А сейчас выраженно и неистово хотелось жить. Она скрестила пальцы и прошептала: «Пусть всё будет хорошо!» - и сделала последний глоток, сжав банку и бросив её к горе таких же алюминиевых червячков. Надо будет не забыть собрать всё в пакет. Скоро стемнеет - пора выбираться в город.

Слон, голубка и козёл

"Frida, amada, arde mi sangre como una lámpara votiva"

*Горшки да ткани расписные,
Пиньяты, кактусы, колибри, посудки золотые,
Текила, фрукты - кругом богатства и уют.
Но демон революции всегда найдёт себе приют.
В далёком лесу, где ветви шелестели,
Жила Голубка — дивной красоты.
Взгляд — словно звёзды, на солнце перышки алели.
А из изъязнов- нЕдуг хромоты.
Был Слоник — мудрый, добрый, скроен-слажен туго,
Он козлика с женою в домишке приютил.
Хотел он сам и лично встретить друга,
Но вот беда — в больницу угодил.*

*«Ты встреть, Голубка, будь уж так любезна,
Пусть на чужбине радость в сердце вспыхнет ярким
днём!»*

*И вспыхнула. Козлик потерял рассудок,
и чувств бездна
Разверзлась, молодость брезжила огнём.
И красота её, как светлый дар,
Зажгла в Козлёнке пламенный пожар.*

«О, Голубка, ты — как утро мая!

Позволь мне быть твоим», — приветствовал Козёл гон-

ца.

Шептал он, взгляд её лоя, вздыхая,

И сердце билось у него, как у семнадцатилетнего юнца.

Голубка, хоть хромала, но душой

Была легка, как ветер над рекой.

Желая Слонику отомстить,

Роман с Козлом стала крутить,

И в книгах письма о любви таить.

Жена Козлёнка не замечать желала,

Не понимала она и языка, увы и ах!

Но что-то всё-таки она подозревала,

Ведь за обедом стала часто слышать «love».

А время шло, и чувства, как цветы,

Увяли, не дождавшись теплоты.

Голубке стал Козлик скучен вдруг,

Его слова — как старый, тусклый звук.

«Отомстила слонику слегка,

Устала я от старика!»- голубка горлице писала.-

«Слонёнка я люблю, как ни крути,

Пора Козлёнку Из дому уйти.»

Она взмахнула крыльями, взлетела,

Оставив Козлика в тени у бед .

Он ей страничек девять о любви,

Она ему- автопортрет.

*«Любовь — игра, что мимолетный сон,
Она — как солнце, что греет ночью словно днём,
Когда ты Козлик, а не слон
Не стоит со своим уставом
Быть входящим в чужой дом».*
*Жена Козлёночка простила,
И пожалела, и проГОЛУБИла,
Голубка осталась при своём:
Вот дом, вот революция, вот Слон.
Окончилась на этом повесть:
Кому- портреты и букеты роз,
Кому- аж целый бронепоезд,
Кому- всего лишь тепловоз.
Мораль: Не гонись за блеском, не ищи огня,
Где нет души — там нет и бытия.
Любовь — не прихоть, не минутный пыл,
Прощай, Козлёнок, уж дел ты натворил.*

Трофей

Victoria's Secret - Victoria cruenta!

Келли Грант всю жизнь была тихоней. Ещё с начальной школы никто не обращал на нее внимания, не пытался с ней заговорить, не звал ее в кино, на бейсбольный матч или на баскетбол, а она и не хотела ничего менять. Когда ты с самого детства одна – ты не одинока. Ты сама так решила, и тишина тебе подруга... С этим приходится мириться и уживаться, и Келли достигла в этом определенных успехов.

Находясь уже в старших классах, она привыкла к тому

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.